

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

Х. Седерлинг-Брюдольф

ЦВЕТOK ИЗ КИРЕНУ

Christina Söderling-Brydolf

BLOMMAN I CYRENE

Stockholm 1970

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель),
А. Б. Давидсон, Г. Г. Котовский,
Н. Б. Зубков, Н. А. Симония

Перевод с шведского

Л. Л. Жданова

Ответственный редактор
и автор послесловия

В. Н. Павлов

Сёдерлинг-Брюдольф Х.

С28 Цветок из Кирены. Пер. с шведск., М., Главная редакция
восточной литературы изд-ва «Наука», 1973.

118 с. («Путешествия по странам Востока»)

О своем путешествии в Ливию, о поисках там сальфия, высоко ценившегося в древности как «корень жизни», и о других африканских растениях увлекательно рассказывает в этой книге шведская любительница ботаники.

**ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА
И ИЗ «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА**

Шахат (Кирена), 13 марта 1969 года

Сегодня ночью я спала на сильфии. Кажется... Лежать было не совсем удобно, уж очень корень большой и твердый. Ничего! Ведь если это в самом деле сильфий, то за последние две тысячи лет я, наверно, первый человек, которому довелось спать на таком растении. А то и вообще единственный в мире. Почему знать!

Так или иначе, мной владело какое-то странное, необычное чувство. И, находясь на грани между сном и явью, я перенеслась далеко-далеко назад во времени. Приблизительно в 630 год до нашей эры...

Некий грек, по имени Батт, уроженец острова Фера, что лежит к востоку от южной оконечности Пелопоннеса, получил от Дельфийского оракула указание отправиться в Ливию и основать там греческую колонию. Покинув Дельфы, он со своими спутниками поплыл на юго-восток, вернулся на Феру (теперешний Сапторин), оттуда после многих злоключений добрался до Крита и наконец, преодолев все трудности, прибыл на остров Платея у берега Северной Африки. Сначала Батт решил, что именно этот остров, неизвестный дотоле грекам, подразумевал оракул, но потом выяснилось, что оракул имел в виду другую область, и Батт перебрался со своими людьми на материк.

Здесь он в конце концов нашел искомое: один из прекраснейших уголков на свете — отлого спадающую с высоты 600 метров к голубому Средиземному морю, огороженную горами и скалами местность с плодород-

ным красноземом. Еще здесь было много источников с чистой водой, и он понял, что именно сюда его посылал оракул. Так получилось, что Батт и его спутники в 631 году до нашей эры основали в приморье, на склоне Джебель-эль-Ахдара, город Кирену.

Вот что пишет о Батте и его странствиях в Ливию Геродот:

Оттуда взял Фрониму Полимнест, знатный фериянин, и сделал ее своей наложницей. Спустя некоторое время она родила ему сына. Он заикался и шепелявил, а звали его, по словам фериян и киренян, Баттом, но, мне кажется, он сперва носил другое имя и лишь по прибытии в Ливию получил имя Батта, отвечающее его сану и изречению оракула в Дельфах. Ведь баттом ливийцы называли царя, вот почему, думается мне, пифия назвала его этим ливийским именем, зная, что он станет царем в Ливии. Ибо, когда он возмужал, то прибыл в Дельфы, чтобы получить совет по поводу недостатков своей речи. И он обратился к оракулу, и пифия ответила ему:

Батт, ты пришел из-за речи своей. Но в богатую овцами Ливию шлет тебя Феб, там поселись.

Так говорит Геродот. Ответ пифии показался Батту не совсем вразумительным, и он попросил у нее разъяснения, но она повторила свои слова, тогда он покинул оракула и возвратился на Феру.

Вернемся к древнему историку:

Однако затем на него и других фериян снова обрушились бедствия. Ферияне не знали причины и снова обратились за советом в Дельфы. Пифия ответила им, что облегчение последует, если они вместе с Баттом заселят Кирену в Ливии. Тогда ферияне снарядили в путь Батта на двух пятидесятивесельных судах. Они прибыли в Ливию, но дальше не знали, как поступить, и вернулись назад, на Феру. Однако ферияне встретили их стрелами и не дали пристать к берегу, а велели плыть обратно. Они были вынуждены снова идти в Ливию и заселили там остров, который, как уже говорилось, назывался Платея. Говорят, остров этот такой же величины, как нынешний город Кирена.

Они прожили на острове два года, но не испытывали никакого облегчения; тогда они оставили одного человека и отправились в Дельфы, и здесь обратились

к оракулу за советом, сказав, что вот они поселились в Ливии, но им от этого совсем не стало лучше. И пифия ответила им:

Если ты, в Ливии, овцами славной, не побывав,
Узнал ее лучше, чем я, мудрость твоя велика.

Услышав эти слова, Батт и его спутники поплыли обратно. Ибо стало ясно, что основание нового поселения не зачтется им богом, пока они не обоснуются в самой Ливии. И они вернулись на остров, забрали оставленного там товарища и заселили в самой Ливии местность напротив острова, которая называется Азирис; ее с двух сторон окаймляют прекраснейшие лесистые холмы, а вдоль третьей стороны протекает река.

В этой местности они жили шесть лет. На седьмом году ливийцы уговорили их покинуть ее, обещав проводить их в еще лучшую область. Ливийцы повели их дальше на запад, но рассчитали часы дня так, что миновали наикрасивейшее место ночью, чтобы эллины его не заметили. Это место называется Ираса. И они привели их к источнику, именуемому Аполлоновым, и сказали: «Здесь, эллины, подобает вам поселиться, ибо здесь небо отверсто».

Я прощаюсь пока с Геродотом, причем в глубине души непочтительно позволяю себе слегка усомниться в верности его сведений о том, где была заложена Кирена. Как-никак он родился через 146 лет после этого события, и его «История» основана на изустных преданиях. Источник Аполлона по сей день существует среди обширных развалин Кирены. В этом смысле он прав. А вот то, что ливийцы будто бы ночью провели эллинов мимо наикрасивейшего места дальше на запад, мне кажется неправдоподобным. Ибо во всей Киренаике нет уголка прекраснее Кирены.

Город, который Батт построил и которым он правил больше сорока лет, стал со временем не только одним из самых красивых на свете, но и вторым по величине после Афин. Однако Батт вряд ли мог предвидеть такой расцвет, не мог он знать и того, что пятьсот лет Кирена и прилегающая к ней область Восточной Ливии будут славиться замечательной культурой и богатством благодаря одному дикому растению, которое водилось тут в изобилии.

Древние греки именовали его сильфием. Когда владычество над Киренаикой перешло к римлянам, они называли удивительный цветок лазером или лазерпициумом¹. Прозрачный корневой сок сильфия, который под действием кислорода воздуха становился похожим на камедь, обладал поразительным свойством исцелять все известные тогда болезни; кроме того, считалось, что он стимулирует жизнедеятельность организма и омолаживает. Не удивительно, что спрос на «корень жизни» непрерывно рос и его продавали буквально на вес золота.

Много веков на Киренском престоле чередовались потомки Батта — Батты и Аркесилаи.

Царь Аркесилай II по прозвищу «жестокий», правивший Киреной между 560 и 550 годами до нашей эры, повелел взвешивать сильфий у него на глазах в дорогой этрусской вазе, прежде чем ценный товар упаковывали в длинные мешки и отправляли в Европу. Замечательная ваза Аркесилая, известная также под названием Коппа ди Вульчи, хранится в музее в Париже, и мы можем сегодня любоваться красивой росписью, показывающей, как происходило взвешивание.

Слева — естественно, он изображен крупнее других фигур — сидит сам могущественный царь со скипетром в руке. На нем остроконечный головной убор и украшенное узорным шитьем одеяние. Под тронем мы видим животное, которое несведущему человеку вроде меня напоминает хорька; на самом деле, как утверждают ученые, это гепард. По стене за спиной правителя ползет ящерица. Перед царем стоят весы, занимающие большую часть росписи на дне вазы. Коромысло подвешено на круглом бревне, видны оба плеча и чашки. На бревне сидит бабуин, которого египтяне еще за тысячу с лишним лет до того помещали на изображениях весов. В Древнем Египте бабуин олицетворял бога познания Тота, и ему надлежало наблюдать за правильностью взвешивания.

В этой части росписи показаны еще четыре человека, занятые взвешиванием и укладкой сильфия в мешки. Вверху помещены три птицы разных видов.

Круг делится на два сегмента — один побольше, другой поменьше. Описанная выше сцена изображена в верхнем, большем сегменте. В нижнем сегменте два раба, приседая, несут длинные мешки с сильфием. Я бы сказала, что внизу слева изображен тот же царь, толь-

ко́ ростом поменьше; он внимательно следит за тем, чтобы мешки с драгоценным грузом легли на место — в правой части сегмента, где уже сложены три мешка.

Так древняя ваза подробно поведала нам, как строго взвешивали сильфий в шестом веке до нашей эры.

С тех пор Кирена пережила немало перемен. Ливия распалась на две части. На западе обосновались финикийцы, на востоке, в Киренаике, господствовали греки, которые помимо Кирены основали города Аполлония (нынешняя Суса), Барка (Толемаида), Токра и Геспериды (Бенгази). Эта пятерка была известна под общим названием Пентаполис, причем Кирена несколько столетий слыла самым большим и могущественным городом всей колонии.

В четвертом веке до нашей эры греки Киренайки добровольно подчинились Александру Великому, а когда владыками мира стали Птолемеи, здесь стали править египтяне.

Между тем чудотворный сильфий продолжал процветать, и спрос на вожденную камедь неуклонно возрастал. Но затем правители Киренайки начали нерадиво обращаться с сильфием. Растение, которым прежде так дорожили, что сбор его регламентировался строгими законами и правилами, попало в руки людей, помышлявших только о том, чтобы поскорее набить себе карманы золотом. Кстати, о значении сильфия говорит и множество монет с изображением этого растения, отчеканенных между 570 и 250 годами до нашей эры.

Теперь сильфия собирали так много, что он почти совсем перевелся. Началось мошенничество, в экспортируемый сильфий подмешивали смолу родственного растения, вероятно, нартекс асса фетида². И когда Киренаика в девяностых годах до нашей эры стала римской провинцией, пора расцвета Кирены и сильфия подошла к концу.

Еще Птолемей I выслал в Киренаику много иудеев, и после того как колония перешла к римлянам, при императоре Траяне, вспыхнули крупные иудейские восстания, во время которых было убито двести тысяч римлян и греков. Кирена обезлюдела и ослабела. Некогда цветущий город, чьи ученые и философы, писатели и художники создали замечательную культуру и на склонах Джебель-эль-Ахдара возвели свой Акрополь

из мрамора, доставленного в обмен на сильфий из Греции и Рима,— город этот был покинут и предан забвению. И одновременно исчез с лица земли таинственный сильфий...

В довершение всего в четвертом веке нашей эры на Кирену обрушились мощные землетрясения. Последнее, самое сильное, в 365 году окончательно превратило город в развалины.

Так что же это было за удивительное растение, сок которого больше пяти веков исцелял людей от судорог, прострела, эпилепсии, столбняка, меланхолии, астмы, истерии, кашля, хрипоты, гинекологических заболеваний, от змеиных и собачьих укусов? Куда подевался загадочный сильфий с его омолаживающим и стимулирующим действием? Цветок из Кирены, упоминаемый, описываемый и восхваляемый Геродотом, Гиппократом, Аристофаном, Катуллом, Теофрастом, Диоскоридом и многими другими? Цветок, который Плиний называл одним из самых драгоценных даров природы?

Никто не знает ответа. Множество ученых ломало голову над этой проблемой. Появлялись научные труды, рождались сотни всевозможных гипотез. Но никому не удавалось разгадать тайну сильфия.

Линней считал, что сильфий сродни американскому компасному растению. У этого растения соцветие — корзинка; теперь же утвердилось мнение, что сильфий надо относить к зонтичным. Среди представителей семейства зонтичных называли нартекс, родственный персидской асса фегиде³, которая еще в этом веке импортировалась в аптеки нашей страны и продавалась под названием «чертова кала». В числе кандидатов была также гарганская тапсия⁴, но большинство исследователей ныне сходится на том, что сильфий принадлежал к роду ферула.

И все же полной уверенности ни у кого нет.

А вот мне кажется, что я сегодня ночью спала на сильфии!

ЧАРЫ СИЛЬФИЯ

Впервые я услышала про удивительный цветок из Кирены года четыре назад. Наша соотечественница, профессор ботаники в Каире Виви Текхольм так увлекательно рассказывала о нем, что сильфий сразу меня пленил.

И конечно же, у меня, неисправимой оптимистки, помешанной на цветах, родилась мечта когда-нибудь попасть в Ливию и отыскать цветок, потерявшийся около двух тысяч лет назад. Ведь не могло же растение, которое водилось в таком изобилии, бесследно исчезнуть с лица земли! Не может быть, чтобы ветер не занес в какую-нибудь расселину одно-два семени от последнего или предпоследнего из стоявших на виду растений! И выросли там новые сильфии, надежно укрытые от глаз ботаников. Я была в этом совершенно убеждена.

Но другие цветы и другие страны все время отвлекали меня. Вот почему прошло четыре года, прежде чем я осуществила свою мечту и отправилась в Ливию искать заветное растение, которое древние греки называли сильфием, а римляне — лазером или лазерпициумом.

Годом раньше я вместе с дочерью, Катериной, возвращалась на своем «лендровере» из трехмесячного путешествия по оазисам Египта. И так как дочь моя совершенно равнодушна к ботанике, я поклялась ей, что мы не будем тратить время на цветы, а вместо этого посвятим час или два ближайшему пляжу.

Осталась позади граница между Египтом и Ливией. Ночь мы провели в «лендровере», поскольку выяснилось, что стоимость номеров в ливийских гостиницах не укладывается в наш бюджет.

Мы приближались к древним развалинам Аполлонии и Кирены, Катерина сидела за рулем, кругом простирались изумительные ландшафты:

И тут, километрах в пятидесяти к востоку от Аполлонии, у меня вдруг вырвался восторженный крик:

— Катерина! Ты видела? Посмотри на вон тот цветок у обочины!

Моя дочь рассеянно взглянула на цветок.

— Ну и что? Обыкновенный укроп,— заключила она с присущей молодости безапелляционностью.

Зонтик укропа был одним из немногих отличительных признаков семейства зонтичных, знакомых ей по шведской кухне. А растение на обочине в самом деле желтыми соцветиями напоминало укроп.

Впрочем, мы уже отъехали от него на несколько километров. У Катерины на уме был только пляж, и она не подумала сбавить скорость.

— Никакой это не укроп,— пробормотала я.— По моему, это был сильфий. Во всяком случае, его близкий родственник.

— Угу,— отозвалась Катерина.

— Теофраст писал лет за триста до нашей эры, что впервые сильфий появился, вероятно, за семь лет до основания Килены, в 631 году. Тоже до нашей эры.

— Подумаешь,— пробурчала моя равнодушная дочь.— Бьюсь об заклад, что люди каменного века в Швеции в это время уже собирали ромашки.

Попробуй, удиви чем-нибудь такого ребенка.

— Но ромашка и сильфий разные вещи,— не унималась я.— Сильфий продавался на вес золота. Он исцелял от всех недугов, да к тому же придавал силы, омолаживал...

Катерина искоса глянула на меня, и я поняла, что мне нужен не один килограмм сильфия.

— А, это тот самый цветок, о котором ты без конца толкуешь. Но ведь ты сама говорила, что он исчез с лица земли. Так как же он мог появиться на обочине, у самой дороги. Вон их тут сколько. Погляди, целое поле, сотни штук!

В самом деле! Целое поле— огромные желтые соцветия, рассеченные листья, стебель обнимают широкие влагалища...

— Катерина, милая, остановись, умоляю тебя. Только на пять минут, чтобы я успела заложить один цветок в пресс и сделать несколько снимков. А я обещаю два часа молчать, как рыба, пока ты будешь загорать на следующем пляже.

Для меня нет более тоскливого занятия, чем валяться на пляже. Катерина обреченно вздохнула, свернула к обочине и остановила машину.

Растения были высотой с метр и не помещались целиком в пресс. К тому же выдернуть растение из земли с корнем оказалось мне не под силу. И я поневоле ограничилась тем, что уложила его по частям между промокательной бумагой в прессе. Отдельно соцветие, отдельно перистый лист, отдельно влагалище. Наскоро было сделано несколько снимков, весьма нечетких, как выяснилось, когда я проявила пленку в Стокгольме.

Под Аполлонией мы нашли место для купания, потом направились в горы по извилистой дороге, в окру-

жении прекраснейших ландшафтов. Всюду было видно зонтичное растение, и я все более убеждалась, что это какая-то ферула, а значит, по меньшей мере близкий родич сильфия греков и лазерпициума римлян.

К вечеру мы успели в Бенгази, где нашли отель четвертого класса с доступными для нас ценами.

После Бенгази ферула пропала. Киренаика осталась позади, мы въехали в ту часть Ливии, которую древние называли Триполитанией.

Все правильно. Ведь, согласно письменным источникам, сильфий произрастал только в Киренаике, в Триполитании его не было.

И я твердо решила снова приехать в Киренаику следующей весной, когда ферула зацветет.

Все шведское лето меня не покидала мечта о сильфии и Киренаике, и когда настала осень, я ощутила такую острую потребность обсудить проблему сильфия с Виви Текхольм в Каире, что отправилась с туристской группой в Египет.

Увидев мою находку, Виви сразу загорелась и заявила, что засушенное растение вполне может быть представителем рода ферула. Нашим беседам не было конца.

Однажды я увидела за столом у гостеприимной Виви женщину с живыми глазами, которая внимательно прислушивалась к разговору.

— Ой, как интересно! — воскликнула она; ее звали Луллу Бьёркенхейм, она была из Финляндии. — Умоляю, возьмите меня с собой в ботаническую экспедицию в Киренаику. Мой муж умер несколько лет назад, дети выросли и разъехались по всему свету, мне совсем нечего делать, я сижу дома и читаю книги.

— Ботаническая экспедиция, пожалуй, слишком громко сказано, — скромно ответила я. — Я да мой «лендровер», вот и все. И ведь я никакой не ученый, просто я увлекаюсь цветами и помешалась на сильфии. Но я возьму тебя с собой! Не так-то просто найти спутника, который готов потратить время, силы, деньги, внимание на какую-то навязчивую идею.

Так родилась маленькая экспедиция в составе двух человек. Разумеется, для нас обеих это была чистая лотерея. Мы с Луллу познакомились всего час назад и ровным счетом ничего не знали друг о друге. Но я, как всегда, полагалась на свою счастливую звезду и

надеялась, что все будет в порядке. Луллу явно разделяла мой оптимизм.

Когда мы прощались в тот день, она сказала:

— Я должна сделать тебе два признания, прежде чем мы начнем составлять планы на будущее. Я не умею водить машину, и я родилась очень давно, в 1900 году. Но я здоровая и сильная, как медведь, и, если мотор откажет, подтолкну машину, только скажи.

Я улыбнулась. Сама я родилась в 1911 году, но что такое десять лет, когда собираешься манипулировать веками и тысячелетиями! А что до вождения машины, то я предпочитаю сама сидеть за рулем моего «ленд-ровера».

Мы вылетели домой — Луллу в Финляндию, я в Швецию. Меня ждали семейные заботы и рождественские хлопоты. Были и другие дела, так что я не смогла уделить достаточно времени изучению материалов, которыми располагала Стокгольмская библиотека.

Зато Луллу не ленилась, судя по письмам, которые регулярно поступали из Хельсинки. Я доставала из конвертов листки, исписанные выдержками из старых итальянских энциклопедий, немецких справочников, латинских работ. Иногда это были оригинальные цитаты, но чаще всего — шведский перевод; Луллу оказалась настоящим полиглотом.

Я проникалась все большим интересом к моей незнакомой спутнице. Мало-помалу из ее же писем выяснилось, что муж Луллу дважды был министром обороны Финляндии, а сама она сорок лет была хозяйкой одного из самых красивых поместий страны — Орисберг, которое теперь перешло к ее старшему сыну и невестке.

Не мудрено, что я заколебалась, вспоминая о том, как мне иной раз приходится спать в машине, когда гостиница слишком дорога, и о том, что в нашей компании было заведено раскладывать хлеб, сыр, лук и помидоры прямо на спальном мешке, а картонные тарелки мы протирали бумажными салфетками, когда под рукой не было воды...

Двадцать первого февраля пароход из Финляндии доставил Луллу в Стокгольм. Она привезла с собой чемоданы, спальный мешок и неисчерпаемый запас

пламенного энтузиазма. Сверх того в ее багаже было множество листов бумаги, испещренных данными о сильфии, которые она собрала в библиотеках и архивах, а также у профессоров и министров из числа своих родных и друзей. А еще Луллу в подвалах университетской библиотеки в Хельсинки случайно увидела изображение Коппа ди Вульчи — этрусской вазы, на которой воспроизведено, как царь Аркесилай II следил за взвешиванием драгоценного сильфия перед отправкой его из Киренаики в Европу. Разумеется, она не замедлила раздобыть фотокопию.

— Вот, посмотри,— докладывала Луллу, сидя у меня на диване и лихорадочно листая свои записи.— Смотри, в «Реальной энциклопедии» Паули написано, что еще Солон писал про сильфий и лазерпициум. «Лазер» означает сок, а «пициум» народная этимология связывает со словом пикс, то есть кал. Это отлично согласуется с тем, что ты рассказываешь про персидскую асса фетиду, которую мы, северяне, ввозили и называли чертовым калом. А Плиний сообщает...

Полагаю, аристократические обитатели финских поместий были бы слегка шокированы, услышь они рассуждения госпожи Бьёркенхейм о сильфии.

Двадцать третьего февраля мы закончили погрузку снаряжения в «лендровер» и сами втиснулись на переднее сиденье. Минус десять градусов, пасмурно, отвратительная погода, но нас воодушевляла мысль о солнце Африки. И мы покатали на юг, перевалили через Альпы и спустились в Неаполь, откуда старый пароход, который давно уже было пора списать на слом, переправил нас в Бенгази, что в двухстах километрах к западу от Кирены.

ШАХАТ

Древняя Кирена сменила имя; маленькая деревушка, разместившаяся на ее развалинах, теперь называется Шахат.

Данные о численности ее населения разнятся. Одни говорят — здесь пятьсот жителей, другие — тысяча. Называют и более высокую цифру.

Пожив некоторое время в Шахате, понимаешь, откуда такое расхождение. Пещеры и высеченные в скалах древние склепы заняты бедуинами. Они живут здесь

с женами, детьми, скотом — пойди, сочти их всех. Пожили некоторое время и двинулись дальше, в другие края.

Как бы то ни было, деревня не производит внушительного впечатления. По сторонам дороги стоят дряхлые лачуги, в них или рядом с ними можно купить гнилые помидоры, свежие яйца, связки увядшего лука, прогорклые сардины из Дании и совсем неплохой савойский сыр в станиолевой обертке. Хлеб — иногда свежий, но чаще всего такой же твердый, как привезенный некогда из Греции и Италии мрамор в колоннах развалин, которые широкими террасами окружают деревушку.

Есть маленькое почтовое отделение, открывающееся на несколько часов утром или вечером. Банка в Шахате нет. Но предупредительный директор большого и дорогого отеля охотно принимает наши аккредитивы по довольно невыгодному для нас курсу.

Нам с Луллу этот отель не по карману. Мы остановились в мотеле, который расположен в сосновой роще на плато, южнее деревни. У нас отдельный коттедж, по комнате на каждую, небольшой холл и туалет с душем.

Нам предстоит жить здесь не одну неделю. Хотя в мотеле самообслуживание — надо самим стелить постели, подметать и выносить мусор, — мы чувствуем себя принцессами. А такой роскошной мусорной свалки, как у нас, нет ни у одной принцессы в мире. Нам предложили сваливать мусор за изящную железную ограду напротив мотеля. А ограда эта защищает древние развалины, которым, наверно, больше двух тысяч лет.

— Бедные археологи, — бормочу я, опоражнивая мусорную корзину. — Каково-то им будет через двести-триста лет отличать осколки древнего этрусского, греческого и римского стекла от наших пивных бутылок?

Луллу тоже считает, что высыпать бутылки, апельсиновые корки и консервные банки на развалины одного из красивейших городов древности — ужасное кощунство. Но что поделаешь, если другой свалки нет?

Разумеется, мы познакомились в общих чертах и с новой историей Ливии, хотя классическую эпоху изучили куда более глубоко. В 1911 году итальянская ар-

мия пыталась завоевать Ливию, но неудачно. Италия вынуждена была признать короля Сенуси в Киренаике и республиканское правительство в Триполитании. В 1922 году представители двух ливийских правительств встретились в Гариане и договорились признать короля Идриса монархом всей Ливии.

Но Италия продолжала зариться на плодородные земли в Северной Африке, и когда в Риме утвердились фашисты, отношения с Ливией сразу ухудшились. Договоры, подписанные с Сенуси, нарушались, ливийцы объявили Италии войну. Она закончилась после того, как ливийский национальный герой Омар Мухтар в 1931 году попал в руки фашистов и был приговорен к смертной казни. Ливийские руководители покинули родину; в 1939 году они присоединились к союзникам и во второй мировой войне сражались против Италии и других держав «оси».

Наконец Ливия освободилась от итальянского владычества. ООН признала ее независимость, и 24 декабря 1951 года король Идрис I провозгласил Ливию независимым государством. Появилось Соединенное Королевство Ливии. В 1963 году федеральное деление было упразднено, слово «соединенное» выпало из названия.

Добившись независимости, ливийцы решили обойтись без помощи иностранцев. В 1963 году уже совсем престарелый Идрис I повелел приступить всерьез к поискам нефти. Эти поиски увенчались успехом. Из недр земли забило ключом «черное золото», и Ливия мигом разбогатела. За последние годы она вышла по добыче нефти в первую пятерку в мире.

Правительство сулило народу всяческие блага. Бедуинам предлагали землю, посевной материал, помощь в строительстве. Теперь все заживут на славу!

Но то ли бедуины отказались от земли, семян и денег, то ли еще что — во всяком случае, такие поверхностные наблюдатели, как мы с Луллу, склонны были заключить, что бедуины предпочли кочевать по старинке со своим скотом и жить в шатрах или пещерах. Сколько мы ни искали, ни малейших признаков благосостояния не обнаружили. Иностранцы явно опять оказались в чести. В нефтяной промышленности заправляют иностранные компании. Большую часть квалифицированной рабочей силы составляют чужеземцы. В выходные дни

мы встречали шведских техников, работающих в выстроенной по соседству с Шахатом новой столице Эль-Бейде, итальянских инженеров-дорожников, занятых на строительстве автострад, американских специалистов, английских военных моряков из Триполи... Все они в субботу и воскресенье устремлялись в Шахат, славящийся благодатным климатом.

Путешествуя по дорогам Северной Киренаики, мы то и дело видели одинаковые дома вперемежку с диким кустарником и горами камня. Мы спросили, что это за дома и почему большинство из них пусто, и узнали, что их построили еще во времена итальянского владычества.

Несмотря на изумительные ландшафты и чудесный климат, Ливия пока что остается туристской целиной. Слишком дороги здесь отели и рестораны. А из-за недостатка отечественной продукции очень высоки цены в магазинах на помидоры и привозные консервы.

Однако нас с Луллу, горящих желанием решить загадку сиффия, не пугали ни экономические, ни какие-либо иные трудности.

А теперь, восстанавливая хронологическую последовательность, расскажу о первой вылазке искателей пропавшего растения.

ПУТЬ В АПОЛЛОНИЮ

Мы едем к маленькому суку (так называются ряды лавчонок, здесь окаймляющие участок шоссе) и покупаем провиант для однодневной экскурсии в древний порт Кирены — Аполлонию. Он теперь называется Суса, и от Шахата до Сусы всего восемнадцать километров.

Сделав покупки, продолжаем путь на северо-восток. Шахат лежит на высоте 621 метра над уровнем моря, и дорога выписывает крутые зигзаги, спускаясь к обширному плато. На западе мы видим развалины одного из районов древней Кирены. Вон там возвышается хорошо сохранившаяся колоннада греческой агоры*. Вон там — остатки храма Аполлона, сооруженного в шестом

---

* Агора — площадь для народных собраний в древней Греции. — *Здесь и далее прим. ред.*

веке до нашей эры. А вот это — скала с источником Аполлона, и ведь что удивительно: родник, который показывали Батту, когда он впервые прибыл в Кирену, по сей день снабжает Шахат водой. Есть тут и знаменитый родник нимф, разрушенные амфитеатры и несметное количество мраморных статуй, большинство которых осталось без головы во время сильных землетрясений в четвертом веке. К востоку от нас расположен храм Зевса. Его реставрируют, но четыре колонны, поднятые медлительными реставраторами за последние десятилетия, с шоссе не видны.

После первых зигзагов открывается вид на длинные, в несколько километров, ряды склепов, высеченных в горах.

Среди развалин простерся густой растительный ковер всех цветов радуги. Тысячи фиолетовых цветков герани, с солнечно-желтыми вкраплениями ромашек, ярко-красные синяки, синие соцветия воловика⁵, пушистый красноголовый клевер, белые и розовые лютики.

При виде такого буйного, неистового цветения кажется, что дети Флоры задумали поспорить с развалинами из-за земли.

— А ты уверена, что узнаешь этот сильфий, который вы с дочерью видели в прошлом году? — робко осведомляется Луллу.

На пути из Швеции она многократно задавала мне этот вопрос; и на этот раз я ей ответила, что узнаю похожие на укроп зонтики так же верно, как в Швеции василек среди ржи.

Не успела я договорить, как мы на повороте увидели первые экземпляры «моего сильфия». Но тут крутой вираж, останавливаться нельзя, и мы едем дальше. Ничего. На плато, где дорога выпрямляется и даже кое-где раздается вширь, чтобы встречные автомобили могли разъехаться, нас окружает множество характерных зонтиков. Я только нажимаю ногой на тормоз, а Луллу уже выскочила из машины и подбегает к ближайшему экземпляру.

Цветение еще не началось, но я совершенно уверена: передо мной то самое растение, которое я видела в прошлом году. Эти широкие влагалища, эти перистые листья с пластинкой, рассеченной на длинные, узкие, от силы полсантиметра, доли, — ошибиться невозможно.

Луллу нагибается над растением, соцветие которого скрыто бледно-желтым чехлом, напоминающим опрокинутую лодку.

— Совсем не похоже на укроп,— произносит она с сомнением и укором.— Откуда ты знаешь, что это зонтичное — ферула?

Луллу уже признавалась мне, что ботаника не относилась к числу ее любимых школьных предметов. Обязательным сбором и засушкой растений она занималась через силу и давно предала забвению большинство ботанических терминов и латинских названий.

Зато теперь она глубоко и искренне увлечена ботаникой. Луллу уже изучила почти все, написанное о сильфии Теофрастом, Плинием, Диоскоридом и другими древними классиками. И хотя первая очная встреча с зонтичным растением повергает ее в легкое замешательство, она жадно впитывает все, что я могу сообщить ей об отличительных признаках зонтичных.

В задумчивом молчании продолжаем путь через плато. Здесь растительность не такая пестрая, как среди развалин. Преобладают корявые сосны, кустарники, среди трав — высокий мохнатый зопник⁶, чьи желтые двугубые цветки расположены кольцами в несколько ярусов между ворсистыми супротивными листьями.

Плато остается позади, снова дорога зигзагами спускается вниз по склону, и вдруг нашим восхищенным взорам открывается бирюзовое Средиземное море. За последним поворотом расстилается целое поле цветущего «сильфия». Сотни крупных желтых соцветий светятся над рваным голубовато-зеленым ковром листьев.

— Ну-ка, посмотрим, на что способны мои земледельческие руки.

С этими словами Луллу выскочила из машины и засучила рукава, потом открыла заднюю дверцу «ленд-ровера» и вытащила широченную лопату с длинной рукояткой, которую я предусмотрительно вожу с собой на случай, если мне не повезет и придется выкапывать мой автомобиль из песчаной дюны.

— Надо же проверить, отвечает ли корневой сок описаниям древних,— добавила она и решительно подошла к самому мощному растению.

Стебель венчало несколько распутившихся соцветий, и верхнее из них возвышалось примерно на метр

над землей. Не меньше метра в поперечнике составляла площадь, занимаемая листьями. Моя энергичная спутница принялась крошить лопатой красную каменистую почву, которая казалась такой же твердой, как скалы кругом.

Что до меня, то я сосредоточила свое внимание на более хлипких и податливых растениях, так как по опыту знала, что мой крестец сразу взвоят, если я начну предаваться таким физическим упражнениям, как Луллу.

Впрочем, и среди хлипких цветочков были экземпляры, заслуживающие внимания. Маленькая ползучая желтая округлая люцерна⁷ с похожими на гармошку плоскими спиралевидными бобами. Карликовый ирис-касатик⁸, изысканностью формы и окраски не уступающий ирису наших цветочных магазинов, но стебелек — всего два сантиметра и цветочки не больше ногтя на мизинце. Пушистый мелкий звездчатый клевер⁹ с чашечкой в форме звезды. И много, много другого.

Я увлеченно выдергивала растения или выковыривала корни перочинным ножом и укладывала свой урожай между листами промокательной бумаги в прессе.

Знаменитое финское упорство восторжествовало. Примерно через полчаса я услышала стонущий голос Луллу:

— Ну вот, сейчас мы его доконаем, паршивца!

Речь шла о корне ферулы. Ей удалось вырыть вокруг него канаву, и обнажился мощный корень с отростками дюймовой толщины.

Чутье подсказало мне, что сейчас уже поздно с учтивым видом предлагать свои услуги. И мне оставалось только стоять сложа руки и смотреть, как Луллу в последний раз вонзила лопату в землю, уперлась ногой и нажала что было мочи. Тихо всхлипнув, корень ослабил свою железную хватку. Луллу живо нагнулась, схватила землистый ком и подняла в руке свой трофей.

— Где твой большой нож?

Получив его, она отрезала от корня несколько кусочков и один протянула мне. Мы жадно облизали влажный срез.

Вкус был какой-то пресный.

— Но ведь у него должен быть вкус чеснока! — вспомнила я.

Луллу подняла с земли сумочку, которую отложила в сторону, когда взялась за лопату. Кроме паспорта и денег, пудры и губной помады в сумочке хранилось несметное количество листков бумаги с всевозможными данными о сельфии.

— Пстой-ка, сейчас поглядим...— Она лихорадочно перебирала свои записи.— Так... Диоскорид сообщает, что корень покрыт черной пленкой, которую соскабливали. После этого делали на нем в определенных местах надрезы и собирали сок. Сок этот быстро портился, поэтому его смешивали с мукой, он приобретал красноватую окраску, столь характерную для настоящей сельфии, и мог долго храниться. Эта смесь, похожая на камедь, легко растворялась слюной. А Плиний страшно возмущался тем, что ценнейшее всеисцеляющее средство фальсифицировали — подмешивали в него асса фетиду...

— А чесночный вкус? — нетерпеливо напомнила я.

— Не спеши! Сейчас дойдем до него, — успокоила меня Луллу и продолжала свой пересказ.— Диоскорид описывает сок так же, как Плиний, но подчеркивает, что у него вкус не чесночный, как у асса фетиды.

— А Плиний, значит, утверждал, что у сельфия вкус чеснока? — растерянно спросила я.

— Откуда мне знать? — Луллу пожала плечами.— У меня только записано, что, по словам Диоскорида, у сельфия вкус не чесночный, как у асса фетиды.

— Тогда это вполне может быть сельфий, — бодро заключила я. И добавила, демонстрируя свою способность к логическому мышлению: — Ведь у этого корня тоже вкус не чесночный. Но достаточно противный.

Луллу была целиком согласна с таким определением. Тем не менее мы на всякий случай еще раз лизнули сочный корень, после чего швырнули растение на заднее сиденье машины. Для пресса оно было чересчур велико.

— Нет, это просто невероятно, — сказала Луллу, когда мы поехали в гору, возвращаясь к себе в мотель.

— О чем это ты?

Выбоины и крутые повороты требовали от меня предельного внимания, но я все же успевала время от времени взглянуть на окружающую нас великолепную панораму — море, отвесные скалы, головокружительные

обрывы... Может быть, Луллу подразумевает чудесный ландшафт? Или же солнце и небесную лазурь, такую непохожую на хмурое небо осенней Швеции?

— Да я насчет сильфия, — объяснила Луллу. — Чтобы он рос в таких количествах — кругом цветы, сотни цветов... А его здесь совсем не должно было остаться.

— Да, пожалуй, ты права, — озабоченно сказала я. — Я бы предпочла найти два-три экземпляра в какой-нибудь расселине в горах. Вон сколько в твоих записях числится ботаников, которые искали сильфий: Делла Челла, Барт, Робинсон, Швейнфурт, Геммил и разные прочие. Не может быть, чтобы они прошли мимо этого растения.

— Во всяком случае, похоже, что именно его Ви-виани в начале прошлого века назвал тапсия сильфий, — уныло согласилась Луллу. — Хотя потом выяснилось, что тапсия сильфий не что иное, как давно известная гарганская тапсия.

— Тапсия, тапсия, — потерянно бормотала я; по чести говоря, чем больше я углублялась в премудрость, собранную в выписках Луллу, тем больше терялась. — Что такое тапсия? То же самое, что ферула? Можно подумать, это проклятое растение только и делало, что меняло имя за свое сравнительно недолгое земное существование. Сильфий, лазер, лазерпициум, тапсия, ферула...

— Откуда мне знать? — тяжело вздохнула Луллу. — У меня еще где-то записано, что датский ботаник Эрстед нашел в Тибете и Афганистане растение, которое называется нартекс асса фетида, и будто бы оно идентично с ферулой нартекс и очень похоже на растение с древних монет Киренаики...

— Что еще? — сухо перебила я ее.

Латинские названия затеяли хоровод в моем мозгу.

— Еще? — переспросила новоявленная искательница сильфия.

— Да, какие еще названия у тебя есть в запасе? Сильфий, лазерпициум, тапсия сильфий, гарганская тапсия, нартекс асса фетида, ферула нартекс. Дальше?

— Может быть, тингитская ферула, о ней... погоди-ка! — Я услышала шелест бумаги, потом Луллу продолжила: — Шпренгель показал, что у тингитской ферулы много общего с сильфием; и все же вряд ли это сильфий, потому что тингитская ферула несъедобна, а сок

ее содержит гумми-смолу. А вот Форстер и Хеффнер говорят, что...

— Я хочу есть,— бесцеремонно перебила я ее, чувствуя, что еще одно слово о сильфии, и я потеряю рассудок.— Мы совсем забыли про ленч. А ты разве не проголодалась?

Луллу подтвердила, что тоже хочет есть. Мы облюбовали фиолетовый ковер из герани, разложили на двухтысячелетнем саркофаге помидоры, сыр, лук, хлеб и кока-колу и в полной мере насладились бесхитростной трапезой, солнцем, теплым ветром и цветочной гаммой.

Мы даже забыли на время о злополучном сильфии, но когда дошла очередь до кофе и я закурила сигарету, Луллу принялась рассеянно ковырять землю перочинным ножом.

— Вот бы найти мраморную статуэтку... Или хотя бы монету с сильфием,— пробормотала она.

Опять двадцать пять... Сильфий, сильфий, сильфий. Загадочный цветок из Кирены не давал нам покоя.

— Как-то странно все-таки, что он рос только в этом районе, на площади в несколько десятков квадратных километров,— размышляла я вслух; Луллу и меня завела опять.

— Как раз там, где растет твоя ферула?

— Моя ферула? Она столько же и твоя. Но все равно это странно. И я считаю...

— Я тоже,— перебила Луллу; она отлично знала, что я считаю.

С тем мы и вернулись в мотель вечером 12 марта 1969 года. Когда мы вошли в коттедж, Луллу свернула тяжелый матрас на моей кровати, а я расстелила на пружинной сетке промокательную бумагу, замирая от счастья, уложила на нее наш «сильфий» и накрыла его сверху другими листами той же бумаги. После чего Луллу осторожно развернула матрас.

БЕЛЫЙ ГОРОД

Я считала, что проспала одну ночь на сильфии. Я больше этого не считаю.

В последующие дни мы рассматривали нашу проблему со всех возможных и невозможных точек зрения.

Ходили в горы, чтобы выяснить у пастухов, как они называют зонтичное растение, которым изобилует их чудесный край. Разумеется, словами объяснить мы не могли, наших познаний в арабском языке не хватало, чтобы сформулировать нужный вопрос. Поэтому мы просто показывали на растение пальцем, срывали стель с несколькими листьями и подносили к лицу жертвы, которая в ужасе пятилась, говоря:

— Дриас.

Иногда, когда мы клали в наш «лендровер» или извлекали из него очередные экземпляры, нас окружали любопытные мальчишки и со смехом кричали:

— Дриас! Дриас!

Мы зашли в бар дорогого отеля, надеясь познакомиться с кем-нибудь, кто мог бы ответить на волнующие нас вопросы. В баре сидели ливийцы и пили пиво. Обменявшись английскими приветствиями и услышав вежливое: «Как поживаете? Добро пожаловать в Ливию!» — мы решили, что сейчас наконец-то все узнаем.

Что за растение дриас? Почему все так пугаются, когда мы показываем им сорванное соцветие или лист? Как называется дриас по латыни? Для чего его применяют?

Мы задаем вопросы по-английски. Ливийцы внимательно и терпеливо слушают. На них европейские костюмы, а ливиец, одетый по-европейски, как правило, занимает не последнее место в обществе и нередко владеет английским языком. И ведь они поздоровались с нами по-английски.

Увы, мы, как всегда, проявили чрезмерный оптимизм. Смуглые лица никак не реагировали, когда мы упоминали древний сильфий греков. Зато они явно оживлялись при слове «дриас». И когда мы наконец выдохлись, один из ливийцев покачал головой и сказал:

— Дриас — миш кваис (Дриас — нехорошо).

Лаконично и не очень-то вразумительно... На том и кончилась наша беседа, но тут в бар вошли два молодца и с явным американским акцентом заказали пива. Луллу коршуном набросилась на них и в несколько минут выяснила, что они приехали из Соединенных Штатов, несколько месяцев как работают в Ливии учителями, а один из них жил некоторое время в Швеции, в гостеприимной семье в Бромма. Мы узнали также, что думают эти молодые люди о стране, в которой

очутились, после чего сочли, что пора переходить к проблеме сальфия и дриаса.

К сожалению, и эта беседа не много нам дала. Ребята извинились: они преподают английский, а не ботанику, их познания о растительном мире равны плюс минус нулю.

Зато мы узнали от них, что недалеко от отеля есть совсем не плохой музей с предметами, раскопанными в Кирене, что в новой столице, Эль-Бейде, помещается министерство земледелия и там нам, наверное, смогут что-нибудь сказать, наконец, что в двадцати пяти километрах к востоку от Аполлонии живет помешанная англичанка, которая разводит на своем участке пчел, дружит с королем Идрисом I и к тому же разбирается в ботанике.

Мы решили начать с Эль-Бейды, так как нам пора было уже наведаться в крупный город, где есть банк и выбор продовольственных и промышленных товаров несколько шире, чем в Шахате. К тому же от Шахата до Эль-Бейды всего-навсего четырнадцать километров.

Хотя Триполи, лежащий примерно в тысяче километрах на запад от Эль-Бейды, во много раз больше и по-прежнему считается фактической столицей, правительство заседает в Эль-Бейде и все больше официальных учреждений перебирается в новый город.

На пути из Бенгази в Шахат мы проезжали Эль-Бейду, но тогда было темно; теперь нам предстояло по-настоящему узнать Белый город, как переводится его название.

Если северо-восточная дорога на Аполлонию одна из самых красивых в мире, то дорогу на Эль-Бейду я бы назвала одной из самых нудных и самых ухабистых на свете. Пыльная, разбитая, она пересекает напрямик ровное каменистое плато с редким кустарником и заброшенными итальянскими домиками, чей запущенный вид словно олицетворяет ненависть и презрение к бывшим захватчикам.

На первых километрах от Шахата ничто не услаждает взора. Зато ближе к Эль-Бейде мы с радостью увидели фруктовые сады; несколько абрикосовых деревьев уже стояли в цвету. Спасибо и на том!

Белый город?.. Он оказался отнюдь не белым, он грязно-желтый. Широкое шоссе подводило к жилым

кварталам с новыми, многоэтажными домами. Настолько новыми, что они еще не были заселены.

Нам рассказали, что в городе еще не налажено снабжение водой и электричеством и что никто не хочет жить в замечательных новых домах.

Голубые глаза старого короля Идриса взирали на нас с многоцветной олеографии на стене за спиной банковского служащего, которому мы вручили свои аккредитивы. Вознамерившись увековечить свое имя и деяния, правитель повелел выстроить Белый город на том самом месте, где древние греки некогда соорудили храм в честь бога врачевания Асклепия. Увы, никто не захотел вселиться в его Белый город. Бедуины оставались в своих шатрах и пещерах. Чиновники и прочие представители так называемого среднего сословия предпочитали кипучую жизнь портового города Бенгази, а члены правительства отдавали предпочтение старому Триполи и ездили в далекую Эль-Бейду только по долгу службы. Поговаривали, что даже молодой наследный принц, племянник короля, изменяет скучной Эль-Бейде ради увеселений Триполи.

В центре города высилось много административных зданий. Как отыскать среди них министерство земледелия? Четвертый квартал от почты, объяснили нам прохожие.

И правда, за открытыми железными воротами мы увидели здание, которое вполне могло быть нужным нам министерством.

Однако суровый стражник преградил нам дорогу.

— Министерство земледелия? — спросили мы по-английски.

Стражник покачал головой, хмуро глядя на нас.

— Разве это не министерство земледелия?

На нас посыпался град арабских слов, мы ответили таким же градом английских слов. Вокруг «лендрове-ра» начал скапливаться народ. Наконец подошел еще один суровый стражник и возвестил по-английски:

— Дом короля.

Вот оно что: королевский дворец, а не министерство земледелия. В эту минуту рядом с нами остановилась машина, из нее выскочили два ливийца и предложили свою помощь. Мы с благодарностью приняли их предложение и, следуя за ними, доехали до министерства, которое помещалось в другой части города.

Здание было такое новое, что штукатурка еще не просохла, но толстый слой пыли на лестницах и в коридорах приглушал шаги не хуже бархатного ковра. Мы заглянули в одну, в другую, в третью комнату. Пусто... Наконец нам объяснили, что министр земледелия находится в Триполи.

Наши ливийские проводники, которые не хотели бросать нас, не доведя дело до конца, заметно приуныли. Вдруг одного из них осенило. Может быть, нас выручит министерство иностранных дел! Прямо скажем, суть нашей проблемы ему рисовалась довольно туманно, он, как и прежние наши собеседники, совсем не представлял себе, что такое сильфий и ферула. Возможно, решил, что дело идет о какой-нибудь смертельной болезни: недаром мы пытались пробиться за помощью к самому королю!

Зато он определенно знал, что министерство иностранных дел перебралось в Эль-Бейду и должно функционировать.

С возродившейся надеждой мы опять покатили следом за нашими проводниками. Убедившись, что дверь министерства открыта, они приветливо попрощались с нами и скрылись в туче песка.

Луллу приходилось возвращаться в дипломатических кругах, и она, естественно, чувствовала себя как рыба в воде, излагая на безупречном французском языке наши затруднения министру иностранных дел. Дриас... Не мог бы его превосходительство сказать, не относится ли дриас, произрастающий в таком обилии на полях вокруг Кирены, к роду ферула? И не сродни ли дриас сильфию древних греков?

Его превосходительство не мог нам этого сказать. Из учтивых фраз, сопровождаемых любезными улыбками, мы поняли, что он никогда в жизни не слышал ничего ни про дриас, ни про ферулу, ни про сильфий. Но может быть, заведующий протокольным отделом что-то знает?

Министр проводил нас в протокольный отдел, сказал, кто мы, сказал, в чем дело, и удалился.

Заведующий протокольным отделом оказался чуть ли не еще любезнее его превосходительства: он предложил нам турецкого кофе, который освежил наши пересохшие глотки и взбодрил наш дух. Акции Луллу поднялись очень высоко, когда она рассказала о своем

финском происхождении, ибо так уж совпало, что брат заведующего протокольным отделом, живущий в Триполи, был женат на финке. Однако проблема сильфия осталась такой же загадкой, какой была последние две тысячи лет.

Под действием турецкого кофе Лулла пришла в голову светлая мысль спросить заведующего протокольным отделом, не найдется ли во всей Киренаике хоть какой-нибудь самый заурядный ботаник, который мог бы нас выручить.

Заведующий глубокомысленно нахмурился; мы сидели и ежились под взглядом голубых глаз короля Идриса, который смотрел на нас с трех стен в трех вариантах.

Как же, как же, он знает одного доктора ботаники, который заведует плодовым садом в пяти километрах к западу от Эль-Бейды. Он тотчас позвонит директору сада и попросит его принять нас.

Мы летели на запад на крыльях надежды. Директор и его помощник встретили нас очень приветливо, но я скоро убедилась, что он такой же доктор ботаники, как моя дочь Катерина. Конечно, он знал, что на его участке растут виноград, абрикосы и бананы, и я не сомневаюсь, что он прекрасно разбирался в садоводстве, но латынь и систематика были ему абсолютно неизвестны. Мы прошли с ним по саду, выразили восхищение, попытались завести специальный разговор, выяснили, что вот этот куст здесь, как и у нас, называется туей, а вон то растение с цветками в красную и фиолетовую полоску — мальвой, но на том ученый диалог и кончился. Тогда я сходила к «лендроверу» и принесла крупный экземпляр дриаса, который мы всегда возили с собой.

Доктор и его помощник отпрянули назад и сказали: — Дриас.

— Может быть, вы знаете его латинское название? — поспешили мы осведомиться, хотя чутье подсказывало нам, что наш вопрос падет на землю, подобно раненому птенцу.

— Это очень ядовитое растение. — Доктор пропустил наши слова мимо ушей. — Здешний скот его не ест. Но когда в Киренаику привозят овец и другой скот из других областей, они едят его и сразу околевают.

Мы обменялись с Лулла красноречивыми взглядами.

Не мы ли вчера лизали корневой сок, и обе, слава богу, пока еще живы-здоровы...

— Нам-то от сока ничего не было,— прошептала я Луллу.

— Это, наверно, потому, что мы не овцы,— предположила она.

— Очень ядовитое,— подтвердил помощник директора.

И мобилизовав весь свой скудный запас английских слов, помогая себе красноречивыми жестами, он дал нам понять, что от дриаса на теле высыпают волдыри. Потом засучил рукав на правой руке и показал уродливый шрам.

— Дриас.

— Если сок попадет в рану, будет сильное воспаление,— пояснил его шеф.

Мы с Луллу поглядели украдкой на свои руки, все в царапинах от шипов и колючек, а также с отдельными метинами от консервных ножей и иных строптивых приспособлений. Пожалуй, стоит впредь поосторожнее обращаться с дриасом...

Да, не много мы выведали у доктора ботаники и его помощника о нашем мнимом сильфии. Что ж, и на том спасибо. Мы поблагодарили, попрощались и через грязно-желтый Белый город снова выехали на ухабистую дорогу, ведущую в Шахат.

СРЕДИ РАЗВАЛИН КИРЕНЫ

Теперь нам предстояло почтить визитом шахатский музей. Он помещается справа от дороги, ведущей в Аполлонию, сразу за первым крутым виражом ниже отеля. Уплатив за вход, мы с равнодушием пресыщенных людей проследовали через залы греческой и римской мраморной скульптуры. Конечно, классика всегда хороша, а три грации были изваяны с таким совершенством, что мы даже потрогали их, проверяя, в самом ли деле они мраморные. Но ведь Луллу и я бывали и в Лувре, и в музеях Рима, Афин и других европейских городов, так что мы насмотрелись на Зевсов и Аполлонов и на прекрасную Венеру Киренскую.

Некоторые стелы привлекли наше внимание. Правда, вереницы древнегреческих букв нам ничего не гово-

рили, но добрые люди перевели надписи на английский язык и повесили перевод в рамках на стене. Тексты содержали много интересных исторических данных, однако все это мы уже знали, а о сильфии там не было ни слова.

Разочарованные, мы обратились к дежурному и спросили, где находится коллекция монет. Пришлось потратить некоторое время на преодоление языковых барьеров, затем нас проводили в самые дальние комнаты, где мы увидели множество витрин с сотнями древних монет. Ровными рядами лежали под стеклом старые, потертые медные монеты. Одни совсем гладкие, на других еще можно было разобрать чеканку. Бородастые Зевсы, прекрасные профили Аполлона, лица неведомых правителей, листовые усики и другие узоры.

Но ни одной монеты с сильфием! Мы переходили от витрины к витрине, оживленно обсуждали экспонаты, внимательно рассматривали монету за монетой. Дежурный следил за нами с растущей подозрительностью. Он явно думал, что мы замыслили при удобном случае выкрасть всю коллекцию из музея.

По чести говоря, я и впрямь подумывала о взломе. Но не затем, чтобы присвоить монеты. Просто меня подмывало незаметно сорвать пломбы на витринах, осторожно приоткрыть их и перевернуть все монеты одну за другой.

Ведь чекан наносили на обе стороны. И должна же среди сотен монет быть хотя бы одна с изображением сильфия, если в авторитетных трудах сообщается, что найдено множество монет с сильфием, отчеканенных между 570 и 250 годами до нашей эры. Просто современных киренян или итальянских археологов — кто уж там из них сортировал коллекции шахатского музея — больше занимали греческие боги и цари, нежели цветок, который две с половиной тысячи лет назад сделал Кирену столь богатой и могущественной, что она в обмен на его сок получала мрамор из Греции и Италии для украшения своих городов храмами, колоннами, великолепными скульптурами и прочими творениями искусства.

Мы покинули музей и решили отправиться на развалины, чтобы продолжить там свои изыскания.

Со стороны шоссе и деревенской улочки развалины защищены высокой проволочной изгородью с калитка-

ми, где сидят в будках сторожа и взимают мзду за вход. Правда, с западной стороны кто угодно может бесплатно перелезть через местами разрушенную, довольно низкую каменную ограду. Но мы, законопослушные туристы, разумеется, вошли через калитку.

Начинаем с юга, там, где раскинулась на возвышенности греческая площадь. Огромную агору окружают неплохо сохранившиеся высокие колонны. Между ними стелется мягкий ковер из тысяч красно-фиолетовых цветков герани, по которому мы ступаем.

Невольно теряешь дар речи от величественного зрелища пепельно-серых и кремневых развалин, которые сползают по склонам Джебель-эль-Ахдара. Дальше идет обширное плато, оно тянется до самого горизонта, но мы знаем, что за ним внизу простерлась бирюзовая гладь Средиземного моря. А вверху — голубой небосвод и весеннее яркое солнце.

Конечно, лишить Луллу и меня дара речи не просто. У нас всегда есть о чем потолковать и что обсудить. Но сейчас чутье подсказывает нам, что было бы кощунством своей речью нарушить вечный покой, которым по воле Зевса всевышнего объят некогда оживленный город, коему он покровительствовал. И дабы не поддаваться искушению посягнуть на предписанную свыше тишину, мы расходимся в разные стороны. Луллу спускается на север к греческому амфитеатру, а я задерживаюсь на площади, среди цветов и бабочек, и пытаюсь вызвать из безмолвия картину оживленного рынка — скрипучие повозки, греческие и ливийские зеленщики, наперебой расхваливающие свои плоды и корнеплоды, гомонящие дети, медленно шествующий через площадь философ в тоге, погруженный в размышления о загадках бытия...

Вспомнив роспись на вазе Аркесилая, представляю себе царя — он сидит возле колонн, между которыми растянута парусина, и наблюдает за тем, как взвешивают драгоценную камедь сильфия.

По этому поводу у нас с Луллу были особенно горячие споры. Моя подруга слепо верит своей «Энциклопедия Италиана», откуда ей пересняли изображение знаменитой вазы. А в энциклопедии утверждается, что сильфий взвешивали на корабле. Я же с самого начала отношусь к этой гипотезе скептически.

Портом Кирены была Аполлония. Длина дороги,

связывающей эти города в наши дни,—восемнадцать километров. Древняя дорога, разбитые, каменные остатки которой можно видеть тут и там с нынешнего шоссе, вероятно, была еще длиннее и извилистее. Автомобилей в ту пору не было.

Так неужели старик Аркесилай стал бы тратить свое драгоценное царское время на долгие и обременительные поездки из киренского дворца в порт только ради того, чтобы проследить за взвешиванием сильфия, когда то же самое было куда удобнее делать на столичной агоре?

И с чего это древние вдруг стали бы взвешивать такой дорогой и важный товар, как сильфий, на борту корабля? Даже в самые тихие дни гладь Средиземного моря сморщена рябью. И достаточно самой маленькой лодке пройти мимо, чтобы поднятая ею волна заставила колебаться палубу большого парусника, стоящего на якоре.

И чтобы на рее такого парусника подвешивали чувствительные весы, на которых определялся вес одного из самых драгоценных даров земли? Тебе не кажется, дорогая Луллу, что это малоправдоподобно?

Может быть, но в «Энциклопедия Италиана» написано, что...

Правда, сейчас я одна со своими мнениями и сомнениями бродила по мягкому ковру из красно-фиолетовых цветков нежной герани¹⁰. И чутье настойчиво твердило мне, что именно здесь царь сидел и наблюдал за взвешиванием.

Но когда речь идет о строгом историческом исследовании, интуиция и догадки не в счет, и мои мечтания не приблизили меня ни на шаг к решению загадки сильфия. Поэтому я спустилась крутыми каменными улочками к амфитеатру, села в первый ряд партера и уставилась на пустую эстраду.

Впрочем, она была не совсем пустая. Площадка, некогда представлявшая вселенную, была покрыта несчетным множеством пушистых остроконечных головок пурпурного клевера*. И сквозь его заросли не спеша ползла черепаха—главное действующее лицо природной драмы, в которой вместе с ней выступали пчелы и бабочки.

---

* См. прим. 9.

Кто знает, может быть здесь настоящие артисты некогда играли комедии Аристофана, полные язвительных намеков на влечение греческих аристократов к свареным вместе с перцем, солью и уксусом молодым росткам сельфия, которые были излюбленным лакомством, а заодно и стимулирующим средством.

Тут мой взгляд остановился на упавших с колонн, сложенных в ряд капителях. Их украшал обычный для греческих и римских колонн акантовый орнамент. Но одна капитель отличалась от других. Дольки листьев намного уже и длиннее, чем у аканта¹¹, а слегка обитая деталь, которая на остальных капителях изображала загнутую наружу верхушку листа, вполне могла сойти за соцветие.

— Луллу! Луллу! — вскричала я, забыв на радостях о вечном покое, предписанном этому городу всевышним Зевсом.

Но Луллу, привлеченная другими колоннами, статуями и развалинами, уже успела уйти на целый километр от амфитеатра.

Пришлось мне одной (черепаша не в счет) упиваться своим «открытием»; я не сомневалась, что никому из исследователей не приходило в голову, что на этой капители изображен лист сельфия.

Сфотографировав камень с узором со всех сторон, в том числе против солнца, я двинулась дальше на север, задумчиво поднялась по широкой каменной лестнице, и моему восхищенному взгляду открылись новые развалины.

Расхаживая среди того, что некогда было домами и улицами, я повторяла про себя внезапно возникшие в моем мозгу слова:

Брожу среди развалин Кирены
И вечной загадкой брежу...

Наверно, вышло бы очень красивое стихотворение, будь у меня время довести его сочинение до конца. Может быть, даже самое красивое из всех стихов о сельфии. Правда, Катулл упоминает обильную сельфием Кирену в одном из своих страстных посланий Лесбии, но у него не было стихотворения, целиком посвященного этому диковинному растению:

Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев
Милых губ твоих страсть мою насытят?
Ты сыпучий сочти песок ливийский
В изобилующей лазером Кирене.

Однако вся поэзия вылетела у меня из головы, когда я чуть не споткнулась о каменную кладку колодца, которая выдавалась из земли сантиметров на десять. Я нагнулась, заглянула в узкое, от силы полметра в ширину, отверстие и ощутила легкое головокружение, увидев воду далеко внизу.

Вода в двухтысячелетнем колодце? Конечно, это может быть совсем недавний дождь. Но может быть и грунтовая вода, путь к которой проложен искусными руками древних римлян.

Я легла на живот и снова заглянула в колодец. И в двух-трех метрах от края увидела торчащие из кладки зеленые стебли папоротника Венерин волос¹². Такие же свежие, такие же сочные, как те Венерины волосы, которые в наших шведских цветочных магазинах добавляют в букеты роз.

В эту минуту из-за безголовых мраморных статуй появилась Луллу. И тоже легла на живот, чтобы полюбоваться яркой зеленью во мраке колодца.

ПРЕДАНИЯ И ИСТОРИЯ

Отсюда мы вместе пошли дальше, мимо римских бань времен императора Траяна к устремленным в голубое небо дорическим колоннам древнего храма Аполлона. Надпись на маленькой дощечке сообщала, что храм построен в седьмом веке до нашей эры.

Мы с Луллу тотчас сверили эти данные с теми следами, которые оставили в нашей памяти сочинения Геродота. После основания Кирены в 631 году Батт I правил сорок лет, то есть до 591 года до нашей эры. Затем престол занял его сын Аркесилай I; он, как сообщает Геродот, правил шестнадцать лет, до 575 года до нашей эры.

После смерти Аркесилая царем стал его сын, Батт II, по прозвищу «счастливый». У Геродота не сказано, сколько лет он царствовал, но из других источников следует, что уже знакомый нам Аркесилай II был

царем с 560 по 550 год до нашей эры; выходит, что счастье Батта II длилось пятнадцать лет.

Читая Геродота, можно судить о слагаемых этого счастья. При первых двух правителях, пишет он, население колонии оставалось таким же, каким было первоначально. И Геродот продолжает: При третьем правителе колонии, Батте Счастливом, пифия сумела побудить своим изречением все эллинские племена отправить колонистов в Ливию, чтобы они селились там вместе с киренянами. Дело в том, что киреняне приглашали эллинов участвовать в разделе земель. На это последовало такое изречение оракула:

Кто опоздает в Ливию благодатную, тот
Горько будет жалеть, что не поспел к разделу земли.

Тогда в Кирене собралось много людей. Теснимые ими окрестные ливийцы и их царь Адикран теряли земли. Из-за этого и по причине обид со стороны киренян, они обратились через послов в Египет и предложили египетскому царю Априю принять власть над ними. Царь тот собрал большую египетскую рать и отправил ее против Кирены. Киреняне же выступили к Ирасе, сразились у источника Фесты с египтянами и одержали над ними победу. Египтяне прежде не пробовали своих сил в борьбе с эллинами и пренебрежительно относились к ним, а теперь понесли такое поражение, что только немногие из них вернулись живыми в Египет.

Итак, счастливого Батта сменил Аркесилай II, у которого хватало хлопот помимо надзора за сельфом. Геродот рассказывает о нем, что он, заняв престол, не поладил с братьями. Они покинули его и ушли в другую часть Ливии, где сами основали город, который теперь, как и тогда, называется Барка. Одновременно они побудили тамошних ливийцев порвать с Киреной. После этого Аркесилай пошел войной на этих ливийцев, которые приняли его братьев и восстали против него. Ливийцы из страха перед ним бежали к восточным ливийцам. Аркесилай преследовал бегущих до Левкона в Ливии, там ливийцы решили дать ему бой. И они разбили киренян так основательно, что на поле боя осталось лежать семь тысяч гоплитов. После этого поражения Аркесилай заболел. Однажды он был задушен своим братом Леархом.

По чести говоря, нас с Луллу гораздо больше занимало, чем болел Аркесилай и какое лекарство принимал, нежели сколько гоплитов осталось лежать на поле боя. Определить болезнь мы, естественно, никак не могли, что же до лекарства, то мы единодушно заключили, что речь шла о всеисцеляющем сильфии.

Итак, мы дошли до 550 года и царя Батта III по прозвищу «хромой». Дальше Геродот отвлекается на кучу ненужных нам подробностей, после чего сообщает, что третьего Батта сменил его сын Аркесилай — тоже третий, по нашим расчетам.

Видимо, Батт III был слабым правителем, ибо наводить порядок в стране взялась его энергичная мать Феретима, сам же он бежал на Кипр, а оттуда на Самос. С Самоса он отправился за советом в Дельфы, и пифия ответила ему:

«Четырем Баттам и четырем Аркесилаям — на время восьми поколений — дарует Локсия власть над Киреною; дальше царствовать лучше и не пытаться. Так что ты возвращайся домой и сиди спокойно».

Здесь то ли оракул, то ли пифия, то ли Геродот, то ли Клас Линдсуг, переведший Геродота на шведский язык, немного обсчитались. Ибо оракул говорит о четырех Баттах и четырех Аркесилаях, а в шведском переводе, если я не ошибаюсь, тех и других только по трое.

Аркесилай III вернулся в Кирену, но здесь дела его обернулись совсем плохо, и ему пришлось бежать к своему родственнику в Барку, где его убили на площади.

Тем временем, сообщает Геродот, мать правила в Кирене за сына и заседала в совете. Узнав о гибели Аркесилая в Барке, она бежала в Египет, где могла рассчитывать на поддержку персидского царя Камбиза, которому Аркесилай успел подарить Кирену. Теперь она обратилась за помощью к завоевателю Египта, и он повелел своему наместнику предоставить в ее распоряжение все египетское войско — как сухопутную рать, так и корабли. В итоге Египет подчинил себе всю Ливию.

По нашим с Луллу расчетам, это произошло около 520 года до нашей эры. Здесь кончается историческое повествование Геродота о Кирене.

Стоя перед живописными развалинами храма Апол-

лона, сооруженного, если верить надписи на дощечке, в седьмом веке, мы после долгих размышлений пришли к выводу, что вообще-то строительство могло начаться и под конец правления Батта I, и в годы правления Аркесилая III, но скорее всего храм начали сооружать при Батте II Счастливым, после того как пифия прислала сюда множество людей из Греции и в жизни города наступила пора расцвета.

Сытые по горло киренскими династиями, мы на этом кончили наши исторические рассуждения. Наше внимание привлекла широкая лестница, поднимающаяся на западе к пещерам.

Как обычно, Луллу устремилась вперед, пока я рассматривала цветы вдоль сбегających откуда-то сверху журчащих ручьев. Белые и розовые цветки на первый взгляд напоминали ветреницу или прострел, но чашечка говорила об их родстве с нашими лютиками¹³. Это были азиатские лютики.

Стоя с цветком в руке, я вдруг услышала голос Луллу:

— Христина! Иди сюда! Скорей!

Я поспешила вверх по широченным ступеням. Конечно, источник Аполлона никуда бы не убежал от нас, но я вполне понимала нетерпение Луллу и ее стремление поскорее поделиться со мной виденным.

Моим глазам предстали глубокие выемки в горе, наполненные водой. Темная влага загадочно мерцала под скудными лучами солнца. При мысли о том, что именно этот источник Батт I и его люди увидели в 631 году до нашей эры, души наши объят священный трепет.

Так вот он, родник, который был известен всеведущему оракулу в Дельфах, когда пифия в своем туманном изречении посоветовала Батту отправиться в изобилующий источниками плодородный край...

Поддавшись суеверию, более уместному в ту давнюю пору, мы принялись искать в своих сумочках монетки. Поднесем дар Фебу Аполлону, а заодно, разумеется, пожелаем себе чего-нибудь.

Мы сосредоточились на заветном желании, монетки нырнули в темную воду, и я готова поклясться, что Луллу всей душой желала себе того же, что и я: чтобы нам удалось все-таки приблизиться к разгадке тайны сильфия,

Оракул античного мира и древних веков давным-давно утратил свой пророческий дар. Нет пифии, которая излагала бы советы и предписания богов людям в красивых, но туманных изречениях, и весталки ушли на вечный покой. Не властен более Феб Аполлон.

Во всяком случае, брошенные в фонтан монетки не помогли нам решить загадку сильфия. Напротив, было похоже, что наше дерзкое и назойливое посягательство на сокровенные тайны мертвых народов разгневало Аполлона, ибо он наслал на нас бурю и ливни, гром гремел почти целую неделю.

Вместе с температурой упало и наше настроение; земля раскисла от дождя, и мы раскисли. Неистовый ветер трепал макушки сосен; ни о каких ботанических экскурсиях не могло быть и речи.

Забравшись в спальные мешки, мы штудировали все, чем располагали из литературы, а именно: единственный путеводитель по Ливии, изданный после провозглашения независимости, бесчисленные листочки Луллу, мои собственные заметки четырехлетней давности о сильфии, хотя и собранные в клеенчатой тетради, но такие же отрывочные и маловразумительные, как записи Луллу, и, наконец, несколько «Флор», которые я всегда беру с собой в путешествия.

Когда нам казалось, что мы нашли нечто важное, мы выбирались из спальных мешков и бежали друг к другу, чтобы поделиться своими новейшими умозаключениями о сильфии. К сожалению, наши догадки неизменно оказывались очередным мыльным пузырем. Куда ни ступи, всюду одни лишь тупики, и мы вынуждены были с грустью признать, что за две недели пребывания в Кирене не приблизились ни на шаг к решению загадки.

Конечно, мы нашли растение, виденное мной годом раньше. Ну и что? Когда я в прошлом году показала Виви Текхольм засушенный экземпляр, она заключила, что это «вполне может быть ферула». Окончательный ответ она могла дать, только увидев плоды. А на том экземпляре плодов не было.

Следовательно, мы не знаем точно, является ли «наша ферула» на самом деле представителем рода ферула, к которому почитай что все современные бота-

ники относят сильфий древних греков и лазерпициум римлян.

Мы выяснили только, что ливийцы называют наш сильфий дриасом и что растение это очень ядовито — настолько, что скот, поев его, сразу околевает.

Но из этого следует, что «наша ферула», то есть ядовитый дриас, вряд ли может быть идентична всеисцеляющему эликсиру жизни древних греков и римлян...

— Почем знать! — говорила Луллу с простодушием, которому я не находила оправдания. — По-моему, надо взять да сварить несколько стеблей, посолить их, поперчить, добавить уксуса и оливкового масла и проверить, как подействует.

— Спасибо, лучше я воздержусь, — ответила я, думая о еще не родившемся внуке, который рискует не увидеть своей бабушки.

— Вспомни сморчки, та же история, — не унималась Луллу. — Если не обдать их кипятком и не слить воду, сразу умрешь, как овца от дриаса. Достаточно хотя бы высушить их, чтобы яд исчез.

— Ага, — вздохнула я.

— А ведь греки и римляне высушивали сок сильфия, так что он превращался в камедь, и смешивали его с мукой, прежде чем отправлять в Европу.

— Знаю, знаю, слышала и читала сто раз, — просто-нала я. — Или же они, как у тебя записано, варили сильфий с солью, перцем и уксусом.

— Все равно, надо бы попробовать, — пробормотала Луллу, и я решила наперед присматриваться к тому, что она подает во время наших скудных вечерних трапез.

— Сперва надо провести кое-какие другие исследования, — ловко постаралась я отвлечь мысли Луллу от гастрономической стороны проблемы. — Не мешало бы, например, собрать корневой сок и посмотреть, будет ли он затвердевать и превращаться в камедь.

— В красноватую камедь, которая белеет на изломе, — добавила Луллу, недаром зубрившая Плиния.

Пока шел дождь, мы постарались во всяком случае как следует разобраться с ботанической номенклатурой. Прилежно изучая свои «Флоры», я обнаружила, что именем «нартекс», по-видимому, прежде обозначали тот же род, который в новейших ученых трудах называется «ферула». Значит, термин «нартекс сильфий» можно пока забыть: все-таки облегчение.

Остаются роды ферула и тапсия, причем нас больше всего интересовали тингитская ферула и гарганская тапсия.

В своей книге «Флора Египта для студентов» Виви Текхольм упоминает два вида ферулы: синайскую и мар-марийскую. Оба вида очень редки в Египте.

Но тингитская ферула у нее не названа.

В «Цветах Средиземноморья» Олега Полунина и Энтони Хаксли приведены две ферулы: обыкновенная и тысячцветковая.

Но тингитская ферула¹⁴ у них не названа.

Ни Виви Текхольм, ни англичане не упоминают род тапсия, поэтому мы на нем пока что поставили крест.

За неимением других трудов наш экскурс в ботаническую науку на этом окончился.

Когда гнев Феба Аполлона выдыхался и он умерял силу дождя, а то и вовсе устраивал антракт между ливнями, мы отправлялись в Эль-Бейду, от которой нас отделяли все те же четырнадцать скучных и тряских километров. У нас хватало дел в городе. Во-первых, ливийские фунты обнаружили неприятное свойство таять, как снег под солнцем, и нам приходилось расставаться с нашими аккредитивами. Во-вторых, мы делали там покупки, потому что в Эль-Бейде и овощи посвежее, и консервы поразнообразнее, чем в Шахате. И в-третьих, мы слышали, что в Белом городе есть большая, богатая библиотека.

Один раз нас угораздило приехать в день рождения короля Идриса — банк и библиотека были закрыты.

Другой раз мы приехали в город в мусульманский Новый год — та же история.

В пятницу мы никуда не ездили: пятница у мусульман выходной день.

В субботу наш «лендровер» снова пересчитал ухабы, но и в субботу двери банка и библиотеки почему-то были заперты. Полицейский, охранявший банк, не мог объяснить нам причину, только констатировал факт.

Зато на большой рыночной площади жизнь была ключом, и там мы закупили свежие овощи, сыр, хлеб, консервы, приобрели также новый термос взамен старого, который Аполлон в своем гневе разбил вдребезги.

В воскресенье все было открыто, и после визита в банк мы направились в помещающуюся рядом с ним библиотеку.

Она оказалась не такой уж большой и богатой, как мы себе представляли. Посреди зала стоял прямоугольный стол, за ним сидело с учебниками несколько прилежных школьников. Мы явно показались им куда интереснее учебников, однако нас уже перестало трогать внимание публики, и мы ринулись прямо к книжным полкам, жаждая знаний и стремясь глубже постичь древнюю историю Ливии и таинственный сильфий.

Увы, все книги были на арабском языке — сплошная арабская вязь... Все, кроме одного англо-арабского словаря, где рядом стояли английские слова и арабские письмена.

И мы удрученно покатали домой, в Шахат; дождь барабанил в стекла машины, а из-за горизонта выползали еще более хмурые тучи.

Выпив по аперитиву в баре мотеля, мы натянули на голову капюшоны и побежали под ливнем в свой коттедж, где я принялась менять промокашку в прессах, а Луллу начала готовить скромный обед.

Вдруг из комнаты моей подруги послышался непонятный стук, сопровождаемый страшными ругательствами. Я поспешила туда, чтобы выяснить, что случилось, и увидела, как хозяйка поместья Орисберг, стоя на четвереньках на полу, воюет с банкой сардин, вооружившись перочинным ножом и башмаком вместо молотка.

— Что подумали бы твои друзья из финских дворцов и поместий, если бы они услышали твои не очень-то изысканные речения? — иронически осведомилась я.

— У нас нет дворцов. Финляндия — демократическая страна, — с достоинством ответила Луллу и продолжала бить и колотить по ножу, пока ей не удалось расковырять упрямую крышку настолько, что можно было извлечь содержимое из банки.

А за окном продолжалась свистопляска стихий, подхлестываемых разгневанными богами.

В ГОСТЯХ У ПОМЕШАННОЙ АНГЛИЧАНКИ

Как только позволила погода, мы решили навестить помешанную англичанку, ту самую, которая дружила с королем Идрисом, разводила пчел и разбиралась в ботанике. Весело мурлыкая, отмытый неистовыми лив-

нями «лендровер» лихо мчался вниз по склонам Джебель-эль-Ахдара и исправно одолевал крутые повороты. Оставив позади приморский городок Суса с развалинами Аполлонии, мы покатали на восток по дороге, которая была еще уже и, конечно, еще хуже, чем шоссе между Шахатом и Сусой.

Но нас это ничуть не удручало. В небе сияло яркое солнце, слева от нас простерлось отливающее бирюзой и бутылочной зеленью Средиземное море, врезааясь тут и там в сушу узкими заливами. В таких местах дороге опять приходилось круто петлять, приноравливаясь к природе. И так как высота над уровнем моря сильно колебалась, это было больше похоже на «американские горы» в копенгагенском увеселительном парке, чем на езду по шоссейной дороге на бойком крепыше «лендровере».

Километрах в двадцати пяти к востоку от Сусы дорога разделилась. Одна ветвь шла под прямым углом на север, к берегу моря, другая — под прямым углом на юг, но нам было видно, что эта ветвь дальше опять сворачивает на восток.

После некоторого колебания мы избрали вторую ветвь, и через несколько километров нам встретился новый развилок. Здесь, наперекор всем ливийским обычаям, стояли указатели. Одна стрелка смотрела вправо, где дорога выписывала петли на косогоре. На этой стрелке было написано: «Рас Хилал».

Второй указатель смотрел влево, и на нем было написано: «Рас Хилал».

Американец говорил нам, что мисс Бриттон живет в деревушке, которая называется Рас Хилал. Значит, мы так или иначе на верном пути.

Поразмыслив, мы на этот раз выбрали для разнообразия левую дорогу и вскоре подъехали к каким-то домам.

Спросите первого попавшегося человека, наставлял нас американский учитель, и вам объяснят, как проехать. Мисс Бриттон все знают.

Мы спросили первого попавшегося, и он объяснил: прямо, потом направо. В самом деле, и ясно, и просто.

— Ошибиться невозможно, — язвительно заметила Луллу.

Ибо во всех случаях, когда описания сопровождались этими словами, мы непременно ошибались.

Итак, едем прямо, отмечаем уходящую вправо скотную тропу и продолжаем путь, высматривая дорогу. Километров через пять мы поняли, что заехали чересчур далеко, повернули назад и решили на всякий случай проверить скотную тропу.

— Хоть бы покрышки выдержали,— произнесла я, когда нас начало подбрасывать на камнях и колючие кусты и деревья принялись царапать дверцы машины.

Тропа в свою очередь разветвлялась, от нее в обе стороны уходили такие же узкие каменистые тропы, но я старалась ехать по возможности прямо, поскольку этот курс мы с Луллу считали наиболее вероятным.

Через несколько километров скотная тропа кончилась, но мы разглядели какой-то домишко за кустарником и решили подойти к нему.

Нам встретилась женщина в ярко-красном платье, какие носят бедуинки, несколько мешковатом, но по своему очень красивом. На ее подбородке, лбу и щеках были нанесены синей краской традиционные листовенные и прочие узоры. Талия была перехвачена кушаком полуметровой ширины. Впрочем, слово «талиа» вернее будет заменить словом «живот».

Мы спросили, где живет мисс Бриттон. Женщина показала на кусты, мимо которых мы проезжали и за которыми видели глубокий овраг.

С некоторым трудом мне удалось развернуть машину, мы проехали несколько десятков метров, после чего Луллу вылезла и пошла разведывать путь в ту сторону, которую нам указала бедуинка.

Через пять-десять минут Луллу вернулась и доложила, что тропа в полусотне метрах отсюда круто спадает в овраг. Но в дальнем конце оврага стоит дом, очевидно принадлежащий мисс Бриттон.

Мы проехали по «главной» тропе до следующего развилка. Луллу снова отправилась на разведку. Результат тот же. Крутой спуск, «лендроверу» его никак не одолеть.

Еще пятьдесят метров — то же самое. И только у четвертого ответвления призывный возглас Луллу из-за кустов дал мне понять, что здесь можно сворачивать.

Обилие камней на тропке слегка озадачило меня и «лендровер», но за полтора года верной дружбы нам приходилось вместе одолевать и не такие препятствия.

Я мысленно обратилась с молитвой к Зевсу, богу, аллаху и всем прочим высшим силам, которые могли меня видеть в этой глуши, чтобы они упасли нас от прокола. И не без горечи подумала о домкрате, который у меня увели во время прошлогоднего путешествия по Африке и который я поленилась возместить, во-первых, потому что мне с ним все равно не справиться, а во-вторых, потому что при проколах всегда полагаюсь на добрых водителей проезжающих грузовиков.

В этих зарослях на добрых водителях рассчитывать не приходилось. Впрочем, и на большой дороге тоже. Конечно, Шахат связан с Дерной, ближайшим крупным городом на востоке, автомобильной дорогой, местами совсем новой, но грузовики, скорее всего, предпочитают более прямое шоссе, проложенное в нескольких десятках километрах южнее. На узкой, извилистой приморской дороге встретишь разве что туристов, привлеченных древними развалинами Аполлонии, да местные арбы.

Я погладила «лендровер» по ветровому стеклу, включила первую скорость и двинулась вперед. Подобрала в зарослях Луллу и продолжала ехать, пока путь не преградила большая калитка, рядом с которой висело объявление: «Осторожно, пчелы!».

Уже древние римляне писали на досках: «Остерегайся собак!». В Швеции тоже можно кое-где увидеть призыв остерегаться собак. В Кении и Уганде я видела на дорогах предупредительные знаки с изображением львов и слонов. Но «Осторожно, пчелы!» — это было для меня нечто новое. Зато теперь не оставалось сомнения, что мы приехали туда, куда надо.

Мы выбрались из машины, заперли ее и подошли к калитке, на которой висел здоровенный замок.

Похоже, тут не приходится рассчитывать на радушный прием... Я с отчаянием думала о том, что вряд ли сумею развернуть здесь «лендровер»; в это время к калитке с другой стороны подошел смуглый длинноногий человек в широкой галабии*.

Услышав, что нам нужна мисс Бриттон, он приветливо улыбнулся, распахнул калитку, и мы пошли к двухэтажному дому по дорожке, окаймленной с одной

---

* Г а л а б и я — национальная одежда арабов.

стороны высокоствольными вееролистными пальмами, с другой — пчелиными ульями.

Немного погодя из дома вырвалась маленькая седовласая метель с сияющими глазами. Узнав, что мы всего-навсего две туристки из Северной Европы, которые задумали ее навестить, она громко засмеялась и сердечно пригласила нас в дом. Прыская, будто школьница, хозяйка сообщила, что обожает гостей. Потом объявила, что сейчас же пойдет и поставит на огонь чайник.

Вскоре мисс Бриттон вернулась и опять захлебнулась восторгом, услышав, что мы увлекаемся цветами. Она провела нас в одичалый сад, показала фиолетовые гладиолусы, поникшую кислицу с крупными — дватри сантиметра в длину — желтыми цветками, фиолетовые федии из семейства валериановых, наших старых знакомых — касатиков и много, много других.

И она непрерывно говорила, ей надо было столько успеть рассказать, стольким поделиться с дорогими гостями!

Мы услышали, что мисс Бриттон уже пятнадцать лет живет в Киренаике, потому что здесь она наконец нашла место себе по душе. Что король Идрис отвел ей этот дом, потому что ему очень понравился ее мед, во всей Ливии больше ни у кого нет такого меда. А все дело в том, что на горе растут вереск и можжевельник, пчелы обожают вереск и можжевельник и вырабатывают из их нектара нежнейший мед.

Между прочим, король Идрис велел ее слугам каждый вечер на закате запираить ее на втором этаже, чтобы с ней не приключилось ничего дурного. Ведь тут опасные места. Люди палево и направо убивают своих соседей, а если убьют мисс Бриттон, король останется без замечательного меда.

Ей хорошо, очень хорошо здесь, в «Тускуланской вилле». Слуги — как на подбор. Правда, ленивые, приходится с утра до вечера, то есть до заката, самой во все вникать, а то ведь ничего не сделают. Но соседи — не дай бог. Назло выпускают коз и ослов пастись на плодородных землях мисс Бриттон, а козий и ослиный навоз губит почву, потому что на ней потом ничего не растет.

В звенящем голосе мисс Бриттон звучали то смех, то слезы. И мы с Луллу быстро поставили диагноз: пара-

нойя и мания преследования в тяжелой форме плюс признаки манодепрессии.

Слова мисс Бриттон про козий и ослиный навоз насторожили нас. Как же это ничего не растет там, где почва получает натуральное удобрение? Может быть, это потому, что животные поедают ядовитые растения — скажем, дриас?

— Дриас? Нет-нет! Скотина не трогает дриас, знает, что он ядовит. Если сюда попадают животные из других районов, где дриаса нет, бывает, что они его едят. Но тогда они погибают. Сразу же. Так что не успевают оставить никакого навоза.

Нам хотелось еще поговорить о занимающей нас проблеме дриаса, но мисс Бриттон уже рассказывала о том, как она решила проблему водоснабжения на своем участке. Вода поступает с гор, слуги провели к цистерне узкие каналы, тщательно выложенные камнем.

Мы гуляли по великолепной аллее среди вашингтоний¹⁵. Аллея шла в направлении юг — север и заканчивалась у цветущего луга. За лугом мерцало Средиземное море, серо-голубое вдаль, бирюзовое у берегов.

Когда мы возвратились к дому, мисс Бриттон вспомнила про чайник. Он уже выкипел, и ей пришлось ставить его снова.

Мы вошли в дом итальянской постройки и очутились в просторной лоджии с удобными, в меру просиженными кушетками и креслами. Увидев картину на стене, мы заключили, что, во всяком случае, часть обстановки досталась мисс Бриттон в наследство от прежних владельцев. Ибо картина изображала двух солдат в стальных шлемах, с винтовками, а внизу стоял по-немецки призыв: «Вперед, к победе!» Нам было непонятно, как это англичанка держит среди приобретенных или полученных от прежних владельцев вещей картину, на которой два представителя «оси» призывают к победе.

Мисс Бриттон продолжала рассказывать. О многогранной жизни на ливийской ферме, о своем отношении к ливийцам, до которых, по ее заверениям, все еще не дошли достижения современной европейской цивилизации.

Чайник успел выкипеть и во второй раз, и пока мисс Бриттон хлопотала на кухне, снова наливая в него

воду, мы осмотрели книжные полки в темной столовой, куда свет поступал только через дверь, выходящую в лоджию.

Скажи мне, какие книги есть у тебя, и я скажу, кто ты. По-моему, очень верно подмечено.

Полочка с молитвенниками свидетельствовала о том, что мисс Бриттон религиозна, причем интересуется не только христианской верой. Мы увидели книги о Сенуси, основателе известной мусульманской секты, который жил в первой половине девятнадцатого века. Кстати, Сенуси один из предков нынешнего короля Идриса. Кроме того, мисс Бриттон читала классиков и хороших английских романистов. А несколько «Флор» и других книг о цветах выдавали ее увлечение ботаникой.

Когда мисс Бриттон поставила чаши на стол, мы не решились снова заводить речь о дриасе, боясь, как бы вода не выкипела в третий раз. Мы крепились, пока чайник не появился на столе, и надо сказать, что чай был вкусный, только англичанки умеют так заваривать. Мы воздали должное также и печенью и только потом решили, что пора перейти к делу.

Этот дриас... Не допускает ли мисс Бриттон, что он находится в родстве с сильфием древних греков и лазером или лазерпициумом римлян?

Хозяйка прыснула, и мы простились с надеждой услышать толковый ответ. Однако мисс Бриттон вдруг заявила:

— Ах, сколько ботаников обращалось ко мне с этим вопросом. Да я и сама одно время готова была так считать. Но теперь не считаю. Как-то я отправила один экземпляр в Лондон. По-моему, его посадили в Кью-Гарден*. Но ведь дриас ядовит, а у сильфия были совсем другие свойства.

Слегка пристыженные, мы решили срочно пересмотреть наш скороспелый диагноз относительно психического состояния мисс Бриттон. Наша хозяйка показала себя весьма толковым и знающим человеком. Больше того, из всех, с кем мы говорили в Ливии, это был первый человек, знакомый с древней историей страны.

К сожалению, продолжала мисс Бриттон, она уже давно не занимается этой проблемой, так что успела

---

* Кью-Гарден — Королевский ботанический сад близ Лондона, один из наиболее крупных ботанических центров мира.

забыть латинское наименование дриаса. Где-то оно у нее записано, да бумаги эти, должно быть, лежат в каком-нибудь сундуке на чердаке. Можно поискать, но поиски могут затянуться надолго, можем ли мы столько ждать?

Мы поспешили учтиво заверить ее, что не смеем причинять ей столько хлопот. Приедем как-нибудь в другой раз, если можно.

Пока мы допивали превосходный чай, мисс Бриттон сновала по комнате, поднося нам монографию за монографией. В некоторых из них мы нашли ферулу, но о сильфии не говорилось ни слова. К тому же, насколько мисс Бриттон помнила, дриас, увы, не принадлежал к роду ферула.

Проведя несколько очень приятных часов, мы наконец поблагодарили хозяйку, простились и поехали обратно в свой коттедж в Шахате.

БОТАНИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ В КИРЕНАЙКЕ

Итак, «помешанная» англичанка на самом деле оказалась умным и симпатичным человеком. Она неплохо разбиралась в ботанике и угостила нас отменным чаем, однако мы ни на вершок не приблизились к решению загадки. И мы с Луллу решили, как говорится, отправиться в поле, искать в горах и в степи, в приморье и внутри страны — может быть, нам кроме столь опасного для скота дриаса встретится другое растение, которое могло быть сильфием древних греков и лазером или лазерпициумом римлян.

Мы покатали на запад, мимо Эль-Бейды, до маленького городка Месса, потом свернули на север, к морю. Судя по нашей карте, эта дорога вела к приморской деревушке Ханиа. Мы нашли деревушку. Она представляла собой десяток жалких лачуг и холм с развалинами.

По той же карте, дорога здесь сворачивала под прямым углом на восток и шла несколько километров вдоль берега. Мы не нашли никакого ответвления. Дорога обрывалась сразу за деревней, но мы рассмотрели нечто вроде колеи на каменистом грунте и поехали по ней. Каменистый грунт сменился песком, однако

нам с «лендрровером» не впервой было ездить по пустыне, так что я включила двойной привод и одолевала барханы на малой скорости.

Вдруг «лендрровер» заартачился и отказался ехать дальше. Мы вышли из машины, растерянно озираясь по сторонам. Да-а... Ни одного растения, которое даже самый увлекающийся ботаник мог бы принять за сифий.

Вдоль берега стояли ярко-синие гибридные воловики, такие же щетинистые, как их сосед и родич — щетинистый синяк с пурпурными и сине-фиолетовыми цветками. У всех видов синяка, в том числе и у нашего, шведского, содержится в корнях пурпурное красящее вещество. Была тут и мясистая смолевка¹⁶ с лоснящимися листьями. Это растение буквально притягивает песчинки, они липнут к венчику, чашечке, стеблю, листьям, и сколько ни пытайся их стряхнуть, ничего не выйдет. Я так и укладывала смолевку в пресс вместе с песком.

Из корней мясистой смолевки — местные жители называют это растение по-арабски «эркхаллава» — извлекают яд сапонин, применяющийся для приготовления моющих средств и сладостей. (Будем надеяться, что кондитеры пользуются им в умеренных дозах.) В Египте и других странах Северной Африки можно купить в продовольственных магазинах «халлаву» — сладость, которая помимо сапонина содержит кунжутное масло, обладающее слабительным действием.

Кроме мясистой смолевки сапонин содержится и в других растениях, например в некоторых представителях семейства маревых. Как уже говорилось, его используют в производстве моющих средств; бедуины давно уже знают свойства сапонина и кладут нарезанные корни смолевки в воду для стирки.

На берегу росли также представители семейства крестоцветных — дикие приземистые левкой¹⁷, фиолетовые с красным или синим оттенком; цвели желтые венковидные хризантемы¹⁸; ярко-красные маки и лазоревый огуречник¹⁹ дополняли красочную симфонию.

Мы обратили взгляд на юг, где до самых гор тянулись барханы. И поскольку машина упрямо не заводилась и было очевидно, что надо дать ей немного остыть, мы повернулись к ней спиной и отправились в пески,

чтобы взглянуть поближе на низкие кустики, чья ершистая зелень тут и там перебивала мягкие, охристые тона песка.

Луллу, которая вечно охотилась за неоткрытыми кладками, заметила пещеру в скалах и форсированным маршем двинулась туда, а я занялась флорой, двигаясь более размеренным шагом.

Растрепанные кустики оказались представителями семейства бобовых — ретамой²⁰, я их уже встречала в пустынях Египта. Профессор Финн Сандберг в Стокгольме, анализируя это растение, нашел в нем яд ретамин, который расширяет утерус. Я слышала, что в одной из наших больниц испытывали ретамин как средство, облегчающее роды.

Были тут и другие колючие кусты из бобовых, и неизвестные мне представители маревых²¹, родственники наших мари, свеклы и шпината; кое-где торчали низенькие тамариксы²².

Чем ближе к гребню бархана, тем интереснее растительность. Прямо из песка торчали какие-то невероятные, даже гротескные стебли — толстые, мясистые, с чешуйками вместо листьев и множеством желтых цветков от земли до самого верха. Сходство с нашим волчком выдавало паразита; это была желтая цистанхе²³ из семейства заразиновых.

Неподалеку от этих диковинных растений приютились их близкие родичи, можно сказать однофамильцы, только более стройные — египетская заразиха. Светлорозовые и бледно-фиолетовые цветки отливали перламутром.

Дальше следовал сюрприз за сюрпризом. В нескольких метрах друг от друга скромно стояли маленький бледно-розовый лук и несколько более дородный представитель того же рода — неаполитанский лук²⁴ с белыми, почти прозрачными цветами.

Вдруг мой взгляд привлекла упоительная картина: на желтом песке ярко выделялись с десятков голубых пролесок.

Это были не наши садовые приятные пролески или сибирские, а дикие полушаровидные пролески²⁵ песчаных дюн. Прямо из песка торчали кистевидные соцветия высотой до пяти сантиметров.

Я ощутила такой же прилив бодрости, как весной при виде первых пролесок в саду в родной Швеции.

И принялась энергично копать песок руками, чтобы извлечь растение с корнем. Лишь теперь обнажились десятисантиметровая цветочная стрелка и прикорневые листья, верхушки которых торчали из песка вровень с соцветиями.

Когда я подошла с целой охапкой цветов к «лендрроверу», чтобы достать пресс, сверху по крутому скату бархана съехала Лулла.

— Ну как, нашла в пещере какие-нибудь сокровища? — любезно поинтересовалась я.

— Нет, там ничего особенного не было, — ответила Лулла и не менее любезно осведомилась: — А ты нашла новый сильфий?

Сильфия я не нашла, но тем не менее была вполне довольна своим сбором. Пока я закладывала растения в пресс, Лулла разложила на песке еду.

— Интересно было бы проехать дальше этим путем, пока мы не окажемся к северу от Кирены, — сказала Лулла, кладя в рот ломоть хлеба и запивая его пепси-колой.

— «Лендрровер» не хочет ехать дальше. — Я печально посмотрела на несговорчивую машину, зарывшуюся передними колесами в песок. — Скажи спасибо, если мы сможем выбраться обратно на ту дорогу, по которой приехали сюда. Конечно, можно оставить машину здесь и прогуляться пешком, это будет километров пятьдесят-шестьдесят туда и обратно.

Такой конец даже Лулле показался чересчур длинным. Зато, развернув нашу не совсем достоверную карту, мы увидели, что на ней показана дорога, ведущая от Эль-Бейды на север. Дорога заканчивалась в приморской деревушке, очевидно совсем ничтожной, судя по тому, что она была обозначена безымянной точкой. Но так как эта дорога играла достаточно важную роль в нашей охоте за сильфием, мы решили проверить ее.

Итак, целью следующей экскурсии мы избрали безымянную деревушку. Выхав на другой день, мы с удивлением обнаружили, что из Эль-Бейды на север идет отличное, новое асфальтированное шоссе. Похоже, эта деревня не совсем ничтожная, если власти пошли на такой расход. С каждым поворотом шоссе на приморском склоне наше любопытство росло все больше и больше.

Приблизительно в километре от берега дорога свер-

Нула на восток, а через несколько сот метров асфальт вдруг кончился, пошла сухая, каменистая глина с наезженной колеей.

Проехав немного по глине, мы увидели белую кладку мусульманского погребения с высоким куполом. И тут мы вдруг вспомнили прочитанный где-то рассказ о том, что у Сенуси, основавшего в прошлом веке новую секту, был один близкий друг и сподвижник, который помогал ему учреждать школы и библиотеки в разных концах Киренаики, и что могила этого друга должна находиться где-то недалеко от Эль-Бейды. Неужели король Идрис велел построить здесь роскошное шоссе только затем, чтобы почтить память друга своего предка?

Обсудив эту загадку, мы пришли к выводу, что, наверно, дело обстояло иначе. Скорее всего, власти рассудили, что для новой, белой столицы понадобится морской курорт, где горожане могли бы проводить выходные дни и отпуска. Может быть, даже рассчитывали, что близость роскошного курорта приманит жителей в пустующие дома недостроенного города, который еще не обрел своего лица.

Как бы то ни было, могила шейха заинтересовала нас, и мы пошли к ней по усеянной цветами красной земле.

Я толкнула неплотно закрытую, разохшуюся дверь. Скрип ржавых петель явился надлежащим аккомпанементом жуткому зрелищу, которое нам открылось и заставило отпрянуть назад.

Под красными, желтыми и зелеными шелковыми покрывалами лежала в полумраке, словно погруженная в сон, целая семья. Затхлый воздух, мертвая тишина, оцепеневшие тела и каменные саркофаги напомнили нам, что это обитель смерти. Мы медленно затворили скрипучую, покосившуюся дверь и покинули захоронение. Когда нам наконец удалось стряхнуть с себя тяжелое чувство, навеянное зловещей картиной, мы занялись цветами.

Здесь росли красные маки, желтый адонис, сотни красно-фиолетовых пашенных гладиолусов, белые тордилиумы²⁶ с маленькими кружевными соцветиями (плоды этого растения похожи на изящнейшие крохотные медальончики, обрамленные жемчугом), пурпурный тетрагонолобус²⁷ с бархатистыми пурпурными цветка-

ми и съедобными прямоугольными плодами, которые украшены с двух сторон волнистой оборочкой.

После знакомства с цветами наши мысли вернулись к каменистой дороге. Куда она ведет? До сих пор мы не видели никаких построек, если не считать склепа, где спал вечным сном друг Сенуси со своей семьей.

Мы поехали дальше; дорога, становясь все более узкой, разбитой и каменистой, через поросший густым кустарником пригорок вывела нас на широкую поляну, на которой пасся верблюд. За этой поляной мы увидели наконец дома. Но в час полуденного отдыха деревушка производила такое же безжизненное впечатление, как могила друга Сенуси, и мы решили побродить среди скал, где нам попались истертые ступени, наверно высеченные в камне еще в древности.

Из собранных здесь растений назову забавный карликовый щавель²⁸ с плодиками, похожими на бычью голову; родственную нашей скабиозе песчаную скабиозу²⁹; маслинолистный вьюнок, у которого жесткий вертикальный стебель, серебристые ланцетовидные листья и красноватые цветки граммофончиком — единственный признак, придающий ему сходство с нашим вьюнком полевым.

Во время ботанических экскурсий на Африканском континенте чувствуешь себя счастливой, если удастся опознать род. Виды чаще всего отличны от наших, шведских. Сплошь и рядом стоишь в недоумении перед представителем рода, которого вовсе нет в нашей флоре; скажи спасибо и гордись, если сумеешь определить хотя бы семейство. Но бывает и так, что ты совершенно теряешься, встретив растение из семейства, вовсе не представленного у нас.

Обычно разные интересы разводят нас с Луллу врозь во время наших экскурсий. Вот она идет, нагнувшись вроде меня, и пристально смотрит под ноги, иногда даже ковыряет землю, мечтая найти мраморную статуэтку или киренскую золотую монету с сильфием. Или, на худой конец, хотя бы медную монетку с любым чеканом.

Сейчас Луллу пошла к морю проверить, не благословил ли бог здешний берег обломками разбитого корабля. Вот она появляется из-за бугра! Набрала кучу причудливых камешков и морских окаменелостей, какие-то черепки — кажется, древние! — и несколько ли-

ловых стекляшек. Она сияет: не исключено, что стекляшки римские, и уж это никак не осколки современных пивных бутылок.

— Нашла что-нибудь похожее на сильфий? — спрашивает она, показав мне свои драгоценности.

Разумеется, нет. Но зато я нашла множество других перлов для моего гербария. И я так же счастлива, как Луллу.

АПОЛЛОНИЯ

В один прекрасный день нам с Луллу предложили освободить наш коттедж в Шахатском мотеле.

Нет, мы не пили, не гуляли, не нарушали покой других постояльцев по ночам, не ломали мебель. Мы совсем не безобразничали, напротив. Рано утром шли в столовую, смирно завтракали, получали термос горячей воды и щедро за нее рассчитывались. Затем уезжали на «лендровере» и возвращались только в сумерках, после чего занимались своими делами и прибирали в комнатах — надо думать, более тщательно, чем многодетные семьи из Афганистана и Индии, которые занимали другие коттеджи.

Директор-египтянин с виноватой улыбкой объяснил, что мотель принадлежит государству и в нем действуют строгие правила, сроки сдачи коттеджей ограничены, чтобы и другие могли в них пожить. А сейчас к тому же предстоит сессия правительства в Эль-Бейде. Тамошние гостиницы не вместят всех чиновников, придется и Шахату кого-то принять.

— Это относится и к отелю?

— Да, и к отелю.

А как в Сусе? В Сусе, возможно, есть свободные номера. Но когда мы спросили, нельзя ли позвонить в Сусу и справиться, директор с глубоким сожалением ответил, что телефонная связь между Шахатом и Сусой, увы, нарушена, наладят только через несколько дней.

Мы захандрили и повесили нос. Укладывая свои вещи и перенося их в машину, мы вдруг почувствовали, как сильно привязались к нашему коттеджу и даже к тем мелочам, которые вначале выводили нас из себя. К настольной лампе Луллу, упорно не желавшей гореть. К моей розовой лампе. К вечно протекающему

крану. К душу, который не признавал среднего — либо ледяная вода, либо кипяток. К гвалту из бара, к вою собак по ночам. К зловонной выгребной яме, по соседству с которой нам отвели стоянку, так что каждое утро, садясь в «лендровер», мы зажимали нос.

И вот теперь мы должны порвать со всем, с чем свыклись и что успели полюбить, ехать в другое место, вселяться в другой отель и заново привыкать. Ужасно!

Простившись с друзьями — в их числе были английский военный моряк и его жена, которые поставили большую палатку, купленную в Швеции, возле нашего коттеджа, — мы помчались вниз по знакомому шоссе в Сусу. Местами оно шло параллельно древней греко-римской дороге, соединявшей Кирену с ее портом, Аполлонией.

Небо было хмурое, дождевое, ветер выл, и всюду, куда ни погляди, нам кололи глаза тысячи зонтичных соцветий дриаса, напоминая о всем, что еще не сделано.

Во-первых, когда наладится погода, надо выбрать денек, выкопать еще несколько экземпляров этого неподатливого растения и попытаться выжать из корней столько сока, чтобы можно было проверить, превращается ли он в камедь, когда высыхает.

Во-вторых, нужно съездить в Фаидию — это в нескольких десятках километрах к югу от Шахата, где к склонам Джебель-эль-Ахдара подступает пустыня. Дело в том, что наш старый добрый Плиний сообщает в своей пятой книге, глава 33, будто земля Кирены на двадцать четыре километра от моря поросла деревьями, дальше такую же полосу занимают злаки, а затем в полосе шириной сорок восемь километров на четырехста километров в длину не растет ничего, кроме лазера (то есть сильфия). Правда, Плиний не бывал в Киренаике. И никогда не видел сильфия, ведь в другом месте своих сочинений он сам говорит, что при нем сильфий уже был истреблен (первый век нашей эры). Поэтому нам с Луллу было невдомек, как же он мог писать, что в такой-то области Киренаики не растет ничего, кроме лазера (сильфия)? Тем не менее мы решили на всякий случай проехать в глубь страны и проверить.

Не мешало также попытаться раздобыть две-три монеты с изображением сильфия или хотя бы снимок таких монет. Мы читали у современных ботаников, что

на одних монетах вычеканено все растение, на других — только плоды, а ведь нам как раз и надо было установить, как выглядели эти плоды. Цветение дриаса близилось к концу, через несколько дней можно было ожидать появления полностью сформировавшихся плодов.

По чести говоря, наш интерес к сальфию поумерился после того, как мы узнали, что «наш» сальфий убивает скот наповал. А я к тому же так сильно увлекалась другими представителями флоры, которыми изобиловала здешняя земля, что временами просто забывала о сальфии.

Но сейчас полчища цветущего дриаса напомнили нам, ради чего мы, собственно, приехали в эту страну. И при мысли о том, сколько времени утекло, мы решили подтянуться и приналечь на главный предмет наших исследований.

К счастью, в Сусе в гостинице нашлись свободные номера. После того как было достигнуто соглашение (впрочем, согласны были не столько мы, сколько директор) относительно цены за номер, нас проводили через заднюю дверь наружу, потом за угол к лестнице, которая сначала поднималась вдоль торца, затем изгибалась под прямым углом и приводила к платформе на задней стене. Ступени были очень высокие и крутые, и когда мы, тяжело дыша, взобрались на платформу, сильный ветер едва не увлек нас вниз по встречной лестнице, идущей с другого торца, но мы крепко ухватились друг за дружку и за стену и с великим напряжением сил поднялись по последнему пролету на тот этаж, где находились наши комнаты.

Осмотревшись и установив, что настольные лампы не горят, а верхний свет слишком слабый — вечером нельзя будет ни читать, ни писать, что совмещенный санузел в коридоре на редкость грязный, что из крана и душа над ванной не идет ни холодная, ни горячая вода, мы занесли в рубрику плюсов тот факт, что из наших окон открывается вид прямо на исхлестанное штормом Средиземное море.

Было и еще одно смягчающее обстоятельство. Правда, его нельзя было рассмотреть из окна, но по прежним вылазкам сюда мы уже знали, что из гостиницы всего десять минут хода до прекрасных древних развалин Аполлонии на берегу.

Мы посвятили этим развалинам не один час и не один день. Луллу шныряла, как ласка, по пещерам и вырубленным в скалах склепам. Правда, там было больше консервных банок, пробок и прочих следов кратковременного пребывания туристов и бедуинов, нежели древних сокровищ, но это не смущало мою подругу, помешанную на кладах. А я разрывалась между прекрасными колоннами на фоне голубого неба и тысячами цветов на земле.

И здесь тоже встречались цветы, каких я еще не закладывала в пресс.

На каменных стенах прилепился крохотный мезембриантемум³⁰ с мясистыми листочками и булавочными головками белых цветков. Там, где расступались сине-фиолетовые цветки нежной герани, розовели мягкие ковры маленьких звездчатых распростертых миуарций³¹.

Был тут и синецветный растопыренный цикорий; его листья иногда едят как салат. Это растение сродни нашему цикорию³²; но оно более разлапистое, и цветки у него помельче, чем у нашего кофейного суррогата.

Не обошлось и без старых знакомых, о которых я говорила прежде: маков, хризантемумов, красных, синих и фиолетовых синяков, огуречника, воловика и прочих.

Но мне довелось найти тут и более редкостный экземпляр.

Разумеется, я, дилетант в ботанике, ничего не подозревала, закладывая в пресс несколько экземпляров одного растения с желтыми цветками, представителя сложноцветных. Но когда я в Каире передала собранные мной образцы Виви Текхольм и она, обладая зорким глазом специалиста и фантастической эрудицией, тотчас опознала все мои цветы, эта желтая хризантема заставила ее призадуматься.

Однажды утром, зайдя, как обычно, в ее ботанический кабинет в Гизском университете (хозяйка в это время читала лекцию), я стала просматривать свою коллекцию. Помощник Виви аккуратно расклеил все мои образцы на специальной бумаге, а сама Виви накануне заполнила на машинке ярлычки латинскими наименованиями. И вот теперь, дойдя до моего желтого представителя сложноцветных, я прочла: «Астерискус, новый вид».

Новый вид рода астерискус³³? Сердце забилося часто-часто. Чуть ли не с самого рождения я мечтала, я надеялась найти где-нибудь цветок, которого еще никто не видел! Эта навязчивая идея родилась в юности, во время моих первых экскурсий на юге Швеции, и преследовала меня потом.

Под латинским наименованием Виви Текхольм написала по-английски:

«Похож на иерихонскую розу³⁴, но стебель как у душистого астерискуса».

Я все еще сидела и грезила над этим листом, когда в кабинет вошла сияющая Виви. Виви всегда сияет, это может подтвердить всякий, кому доводилось с ней встречаться.

Она поглядела на мой желтый корзинчатый цветок.

— Да уж, поморочил он мне голову. Знаешь, похоже, что ты обнаружила новый вид. Но,— научная строгость и добросовестность никогда не оставляли Виви,— для полной уверенности нужен более обширный сравнительный материал. Правда, ни в одной из моих «Флор» я не нашла ничего похожего на твой цветок. Пошлю экземпляр в какой-нибудь европейский гербарий, тогда все будет ясно.

Но вернемся в Аполлонию.

Устав от наклонного положения, в котором всегда пребывает охотник за цветами, я села на обломки древней стены отдохнуть и закурила. Потом подняла глаза вверх и увидела нечто удивительное. На древнюю колонну, которая при землетрясениях или еще по какой-то причине укоротилась на две трети, кто-то водрузил капитель достаточно традиционной формы, но с совершенно незнакомым мне орнаментом. И вот мне вдруг пришло в голову, что наклонный прямоугольник с продольными бороздами и детали выше этой фигуры вполне могут быть условным изображением широкого влагалища сильфия с листьями вверх.

Чем дальше я смотрела на капитель, тем сильнее утверждалась в своей догадке. И в моем сознании снова возник этот окаянный дриас. Мощные влагалища с продольными бороздами, держащие внизу пышные, глубоко вырезанные парные листья, доли которых бывают и совсем тонкие, как нить, и пошире, до сантиметра... И расположенные выше такие же большие влагалища, которые подчас вовсе не несут листьев,

но иногда оканчиваются неожиданно маленькими долями...

Нет, честное слово! При некоторой фантазии вполне можно представить себе, что орнамент на капители представляет, пусть грубо стилизованный, лист сильфия. А также лист дриаса. В самом деле, что еще могут изображать эти причудливые закорючки? Сколько я помнила, мне не встречалось ничего подобного в музейных собраниях древнегреческого или римского искусства, но почему нельзя допустить, что здесь, в Аполлонии, порту Кирены, родился орнамент, изображающий растение, которое почти шесть веков приносило краю золото, богатство, расцвет культуры?

— Знаешь, нам надо выкопать несколько корней дриаса и проверить сок, — сказала я Луллу, когда мы вечером с попутным ветром поднялись по наружной лестнице в наши номера. — Давай прямо завтра и попробуем!

Мой интерес к сильфию возродился в полной мере.

— Но на завтра мы пригласили на ленч английского капитана с женой, — напомнила Луллу.

Ах, да... Эту славную пару, что жила рядом с нами в палатке... Мы встречались с ними во время экскурсий, и они угощали нас виски; по чести говоря, оно казалось нам очень вкусным на лоне цветущей природы. Чтобы не оставаться в долгу, мы позвали их на ленч, и они с радостью приняли приглашение.

— Да, но после ленча они собирались поехать к помешанной англичанке в Рас Хилал, — возразила я.

— Верно, после ленча у нас будет время, — ответила Луллу, всегда готовая помочь товарищу. — И я выкопаю тебе сколько угодно корней. В самом деле, интересно посмотреть, получится ли из сока камедь. Слушай, а если нам заодно взять несколько стеблей и попросить тунисского повара здесь, в гостинице, приготовить их по древнему рецепту? — добавила эта неустрашимая женщина.

ХИМИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Английский королевский флот, в лице симпатичного капитан-лейтенанта Питера Хьюза и его не менее симпатичной жены Джейн, прибыл на ленч в гостиницу точно в назначенное время.

Вообще-то ленч в гостинице заштатного городка, будь то в Европе или в Африке, не ахти какое гастрономическое событие, но Луллу не пожалела сил, чтобы украсить трапезу. Она собрала утром пестрый букет диких цветов и тщетно попыталась уговорить официанта поставить их на стол. Ей пришлось самой идти на кухню за банкой, при этом она воспользовалась случаем объяснить повару-тунисту на чистом французском языке, какая страшная участь его ждет, если цыпленок не будет мягким и хорошо поджаренным.

Потом Луллу побежала в бар и убедилась в том, что водка есть и бармен заблаговременно поставит ее и пиво в холодильник. И уже перед самым приходом гостей она взлетела вверх по крутой наружной лестнице за банкой маринованных огурцов из приобретенного нами в Эль-Бейде запаса.

— Первое блюдо: водка и огурцы — думаю, им это понравится, — довольно произнесла она, проверяя строгим хозяйским взглядом, все ли ножи и вилки на месте и может ли скатерть считаться достаточно чистой.

Джейн и Питер в самом деле оценили и мягкого цыпленка, и сюрприз в виде водки и огурцов, и цветы на столе. Беседа текла весело и непринужденно, то и дело звучал громкий смех. Наконец гости встали из-за стола, чтобы отправиться к своей помешанной соотечественнице в Рас Хилале, о которой им столько рассказывали. (После нашего визита мы всегда почтительно называли ее «мисс Бриттон», но в обществе она слыла сумасшедшей англичанкой.)

Оставив свой триполийский адрес и без большого труда получив от нас обещание, что мы их навестим, когда по пути на родину окажемся в Триполи, они попрощались, а мы попросили их передать привет милой мисс Бриттон и махали вслед машине, пока она не скрылась за углом.

— А теперь пошли копать корни сильфия, — сказала Луллу с выражением решимости на тонком, изящном лице.

— Корни дриаса, — ласково поправила я ее, считая, что мы в последнее время начали чересчур вольно обращаться с терминологией, говорим то «сильфий», то «дриас», то «ферула», подразумевая одно и то же растение, рослого представителя зонтичных, который всюду

освещал нам путь своими желтыми зонтичными соцветиями.

Его родство с сильфием по-прежнему оставалось под большим сомнением. Мы даже не знали, принадлежит ли он к роду ферула. Все решат плоды, сказала Виви Текхольм. Пока же нам удалось лишь установить, что местные жители называют его дриасом. А мной время от времени овладевало стремление соблюдать научную строгость и придерживаться фактов.

Мы сели в «лендровер» и отправились на участок дороги между Сусой и Шахатом, около которого дриас рос особенно густо и пышно. Как обычно, в пути нас подстерегало немало других соблазнов. Нам захотелось свернуть к морю, проверить, достигла ли вода температуры, позволяющей купаться. Вода еще не нагрелась, но я, естественно, нашла кое-что новое для своего гербария, в том числе небольшой экземпляр круглоплодного гиппокреписа³⁵ (его гладкоплодной разновидности) с плодами, изящество которых превосходило все, что я когда-либо видела.

Название «гиппокрепис» содержит явный намек на что-то лошадиное; видимо, тут сыграли свою роль похожие на подковы плоды. Их можно еще сравнить с маленькими воротничками, украшенными по краям ажурными фестончиками.

Только под вечер мы вспомнили опять про дриас. Зато, как только мы приехали на место, Луллу не мешкая достала нашу огромную лопату и энергично принялась за работу.

— Сюда бы английский флот,— сказала я, увидев капли пота на лице бедняжки Луллу.

Я уже предлагала ей свою помощь, но получила приветливый отказ. В эту минуту из-за поворота выехала машина и резко затормозила возле нас. Это были Питер и Джейн. Они весело рассмеялись и покачали головой, увидев, как Луллу налегла на лопату, а я крепко держусь за толстый стебель дриаса внизу.

— А мисс Бриттон совсем не такая помешанная,— сказал Питер, подойдя к нам.

И теперь мы с Луллу до конца жизни будем гадать, что он подразумевал: то ли что мисс Бриттон оказалась не такая помешанная, как люди говорили, то ли что она не такая помешанная, как мы. Конечно, надо было сразу же спросить, но мы растерялись от удивления,

увидев жизнерадостную чету Хьюзов в тот самый миг, когда я заговорила об английском флоте.

Питер взял у Луллу лопату и быстро выкопал с корнем три рослых экземпляра дриаса. Мы были счастливы и от души поблагодарили за помощь, а затем наши пути опять разошлись: Питер и Джейн поехали в Шахат, где стояла их палатка, мы — в Сусу, в свою гостиницу, проверять, загустеет ли корневой сок в камедь.

И вот мы стоим около подоконника в моей комнате, с корнями дриаса, финским ножом и банкой из-под пилюль, приготовленной для сбора эликсира жизни. Естественно, мы волновались.

— Что там сказано у Плиния о том, как добывать сок? — вдруг спросила Луллу. — Или это не он писал, а кто-нибудь другой из этой древней компании?

— Вряд ли это был Плиний, — отозвалась я. — Он списывал у Диоскорида, и ни тот, ни другой не видел сильфия. Скорее, это был Теофраст.

— Теофраст списывал у своего учителя Аристотеля, так что и он не лучше, — возразила Луллу. — Хоть его и называют отцом ботаники. Постой, я принесу свои записи.

Она сбегала в свою комнату, вернулась с кипой бумаг и, покопавшись в них, отыскала нужный листок.

— Ты права, это был Теофраст, 372—288 годы до нашей эры. Но он жил в Греции, в Киренаике никогда не был и сильфия в природе не видел, писал с чужих слов. Он сообщает, что были особые правила, где надрезать корень, с учетом прежних надрезов и запасов сильфия. Ибо не разрешалось делать надрезы с нарушением правил и добывать больше сока, чем нужно в каждом случае, потому что, если добытый сок сразу не использовать, он портится и загнивает, его надо смешать с мукой и взбалтывать и так далее, и тому подобное.

— Да, не очень-то вразумительно, — пробормотала я. — Откуда нам знать, в каком месте положено надрезать корни?

— Я подозреваю, что прошел не один год, как все эти строгие правила утратили силу, и теперь можно резать как попало, — заключила Луллу, решительно берясь за нож.

— Не забывай, что дриас ядовит! — предостерегла я ее.— Кожа может воспалиться...

— Но ведь мы лизали сок, и с нами ничего не случилось,— пробормотала Луллу и быстро разрешила корень на несколько кусков, словно ножку гриба.

Как и в прошлый раз, на срезах выступило очень мало влаги, мне пришлось поскрести их перочинным ножом, чтобы набрать в баночку хоть немного сока. Но Луллу живо смекнула, как быть. Она взяла стебель, скрутила его, словно тряпку, и выжала в банку изрядное количество жидкости.

— А может, не стоит смешивать стеблевой сок с корневым,— спохватилась я.— По-моему, нигде не написано, что сок стебля густеет и превращается в камедь. Правда, они варили стебли и ели их, как ремень, без всякого вреда для себя...

— Стебли сильфия,— напомнила Луллу.— С научной точки зрения далеко еще не доказано, что сильфий и дриас — одно и то же.

— Все равно, лучше было бы собрать отдельно сок из корня и из стебля.

Луллу взяла баночку, побежала в ванную и сполоснула ее.

— Пожалуйста, если уж ты так настаиваешь,— проворчала она, принимаясь за корень номер два.

Общими силами мы в конце концов наскребли в баночку немного сока, примерно с половину кофейной ложки.

— В древних источниках ничего не сказано о том, сколько времени надо соку, чтобы загустеть,— отметила Луллу.— Сколько ты предлагаешь ждать?

Я пожалала плечами. Откуда мне знать, если ни у Аристотеля, ни у Теофраста, ни у Плиния, ни у Диоскорида ни слова не говорится об этом?

— Думаю, уж чашечку кофе-то мы успеем выпить,— дипломатично ответила я.

У нас всегда была горячая вода в термосе, а растворимый кофе развести недолго. Баночку с соком дриаса мы поставили на стол, чтобы проследить за ходом реакции. Однако реакция не хотела идти. Время от времени мы наклоняли баночку, но капли сока катались по дну и не думали густеть.

Мы уже развели по третьей чашке кофе, но все оставалось по-прежнему.

Лулла не могла больше усидеть на месте и сказала, что сходит в бар. А я решила сменить бумагу в прессе и обещала ей понаблюдать за тем, как себя поведет сок.

Когда Лулла через час вернулась, я, к сожалению, не смогла сообщить ей ничего нового. Зато у нее были новости для меня. Лулла обладает поразительной способностью выжимать из людей более или менее важную информацию примерно так же, как она при мне выжимала сок из стебля дриаса. Правда, до сих пор сведения, которые она добывала, чаще всего оказывались менее надежными, но Лулла тут была ни при чем.

Однако на сей раз она встретила двух бельгийцев, которые в самом деле кое-что знали о сильфии. К тому же у одного из них были древние киренские монеты, а также весьма содержательная книга французского историка Франсуа Шаму с подробным разбором проблемы сильфия.

Бельгиец обещал, что завтра вечером снова придет в гостиницу и захватит монеты и книгу.

Перед тем как пожелать друг другу спокойной ночи, мы с Лулло еще раз заглянули в баночку с соком дриаса. Насколько мы могли судить, там еще не начались никакие химические процессы. Капли по-прежнему катались по доньшку, когда мы наклоняли сосуд.

А на другое утро жидкость испарилась. Баночка была пустая и сухая — никаких намеков на камедь ни в середине доньшка, ни по краям.

ПО УКАЗАНИЯМ ПЛИНИЯ

Итак, мы довольно тщательно прочесали приморье и сделали множество ботанических находок. А также изъездили вдоль и поперек пояс, простирающийся в глубь страны на полсотни километров с севера на юг. Тот самый пояс, который Плиний называл благоприятным для деревьев (ближе к морю) и для злаков (дальше на юг).

Что ж, возможно, он в этом был прав. Правда, мы видели в приморье больше кустарника, чем деревьев, но такие вещи за тысячи лет могут измениться. И я вполне могла представить себе поля злаков вокруг Ки-

рены, если учесть, какое внимание древние греки и римляне уделяли земледелию.

Южнее полей, занятых злаками, согласно тому же Плинию и выпискам Луллу, начинался пояс шириной около пятидесяти километров с севера на юг и протяженностью до четырехсот километров, где рос один только лазер (сильфий).

На нашей карте к югу от Шахата, примерно посередине этого сильфиевого царства, была обозначена точка с названием Фаидиа.

А потому мы доехали до Шахата, пересекли автомагистраль, идущую от Бенгази до Дерны и дальше на восток, к египетской границе, и продолжали ехать прямо на юг, туда, где степь постепенно сменяется пустыней.

Нас несколько смущало, что Плиний никогда не бывал в Киренаике и не видел сильфия, который к тому времени уже весь стравили. Нам было невдомек, как же Плиний мог утверждать, что этот край изобилует сильфием. Мы пытались утешать себя тем, что виновато наше слабое знание языков. Ведь Луллу имела дело со старым английским переводом «Естественной истории», а там, строго говоря, не утверждалось положительно, что сильфий рос в ту пору. В английском тексте сказано, что упомянутые районы считаются подходящими для произрастания деревьев и злаков, а далее полоса шириной в тридцать миль и длиной в двести пятьдесят миль — только для сильфия.

— Область, которая считается подходящей только для сильфия и ни для чего другого, — пробормотала я. — Дельфийская пифия не могла бы выразиться более туманно.

Наконец мы прибыли в поселок Фаидиа, занятый преимущественно военными, и так как дорога здесь сворачивает на запад, направляясь, как и автомагистраль, в Бенгази, мы подыскали удобное место, где можно было оставить машину. Ведь нам нужно было не на запад, а на юг, туда, где степь сменяется пустыней. Но там никаких дорог не было, а упражняться в форсировании на машине каменистых холмов с редким кустарником мне не хотелось, и мы решили побродить пешком.

Убедившись, что здесь тоже растет дриас, хотя и не в таком количестве, как вдоль дороги Шахат — Суза,

мы с Луллу, как обычно, разошлись в разные стороны. Мою подругу привлекли холмы на севере, я взяла курс на холмы на юге.

И тут по лугам вблизи дороги радовали глаз пестрыми красками всякие цветы. Красные маки резко выделялись рядом с крупными, белыми или розоватыми азиатскими лютиками. Карабкаясь на холмы, я то и дело встречала какую-нибудь новинку. Упомяну особо киренаикскую онозму. Ее как увидишь в первый раз, даже глазам своим не поверишь.

Это растение принадлежит к семейству бурачниковых. Характерный признак бурачниковых — жесткие волоски, но эта онозма была волосатее обычного, напоминая причесанного хиппи или холеного скай-терьера. Однако не длинный ворс поразил меня больше всего. Стебель, достигающий тридцати сантиметров, многократно разветвлялся, и соцветия были типа извилин. Только по два верхних цветка на каждой ветви раскрылись, напоминая своими удлинненными колокольчиками елочные украшения. А теперь о самом удивительном: один из двух колокольчиков был канареечного цвета, другой — ярко-красного. И так на всех без исключения ветвях — желтый и красный цветки рядом друг с другом. Своеобразное зрелище, мне никогда не встречалось ничего подобного, хотя я и прежде наблюдала растения с цветками разной окраски, к примеру тот же средиземноморский синяк; у него на одном экземпляре видишь вперемежку цветки от темно-красных до фиолетовых и синих.

Я одолела два-три холма, надеясь увидеть на юге пустыню, но там высились такие же холмы и растительность, насколько я могла судить, была та же. Ладно, бог с ней, с пустыней. Главное, именно здешние почвы Плиний считал подходящими только для сильфия. Между тем сильфий блистал своим отсутствием. И дриас тоже.

Стоя на гребне третьего холма, я поглядела через дорогу на север, проверяя, куда подевалась Луллу. Издали я не могла разобрать, чем она занята, но ее движения показались мне очень странными.

Луллу ходила, наклоняясь вперед, по южному склону, время от времени дергалась, как будто ударяла ногой по камню, и нагибалась к земле, словно поднимала этот камень.

И мне вспомнились мои ботанические экскурсии на Мадагаскаре, а именно тот случай, когда я охотилась на одного редкостного представителя мезембриантемумов с латинским наименованием «литопс», который англичане называют «живым камнем». Я очень много слышала и читала про это растение, знала, что оно встречается в массиве Исала на юге Мадагаскара, и отправилась туда. До цветения литопс легко спутать с окружающими камнями, поэтому я пинала ногой все камни подряд, проверяя, нет ли у них корня. Время от времени я нагибалась, поднимала самый обыкновенный камень и с досадой отбрасывала его в сторону.

Вот почему я теперь была убеждена, что Луллу обнаружила как раз эти диковинные растения. В самом деле, разве не могут представители рода литопс расти здесь и маскироваться под окружающие камни?

Луллу так увлеклась своим занятием, что не заметила, как я машу и окликаю ее. Тогда я медленно пошла вниз, направляясь к «лендроверу». Очевидно, моя фигура все же попала в поле зрения Луллу, потому что она прервала свое таинственное занятие и тоже спустилась к машине.

— Ты что, литопс нашла? — крикнула я, увидев, как набита ее нейлоновая сетка.

— Не знаю уж, как их звать по-латыни, но это артишоки³⁶. Настоящие дикие артишоки.

Я недоверчиво посмотрела на нее.

— Понимаешь, мой приятель, повар-тунисец в нашей гостинице, рассказал мне, что здесь растут дикие артишоки. С виду настоящий репейник. Не совсем настоящий, конечно, хотя артишоки тоже относятся к репейникам, — пояснила Луллу, обнаружив неожиданную тягу к научной точности.

Обилие кровавых царапин на ее руках лучше слов говорило о том, как ей дался сбор репейника.

— До чего колючие, черти. — Она осторожно опустила руку в сумку и выловила головку с множеством острых шипиков.

Соцветие в самом деле представляло собой по величине нечто среднее между артишоком и «обычным репейником».

— У них не видно цветоноса, они к самой земле лепятся, — рассказывала Луллу. — Сперва я попробовала срывать их руками. И вот что получилось.

Она слизнула кровь с царапины.

— Потом я сообразила, как надо делать. Наподдам носком — они обрываются, а там знай собирай их и складывай в сумку.

(Позднее, в Каире, Виви Текхольм подтвердила, что это съедобный репейник — артишок, или кардон Сибторпа.)

Глаза Луллу светились гастрономическим восторгом при мысли о том, как повар-тунисец приготовит нам артишоки, сварит их в подсоленной воде с несколькими каплями лимонного сока.

Вспомнив о еде, мы поспешили накрыть себе ленч на клочке земли, где особенно ярко пестрели цветы. Дочери хладного Севера упивались нехитрой трапезой, которую солнце и веселое цветочное раздолье превратили в праздничный пир.

— Жаль, что мы живем в Сусе, — заметила Луллу, беря длинную редиску и макая ее в грубую соль на клочке зеленой туалетной бумаги таким же элегантным жестом, как если бы она на званом обеде у себя в Финляндии макала весеннюю спаржу в растопленное масло.

— Что верно, то верно, — согласилась я. — По чести говоря, Суса — настоящий медвежий угол. Живем где-то на отшибе... Развалины Аполлонии мы уже изучили наизусть. А вот киренские руины нам еще изучать и изучать, к тому же от Шахата гораздо ближе до столицы, Эль-Бейды...

— Там хоть можно купить свежие овощи и другие вкусные вещи, которых нет в Сусе, — перебила меня Луллу.

— Мотель в Шахате в ближайшие недели будет занят, но ведь можно справиться в отеле, вдруг там есть свободные номера, — предложила я.

Откровенно говоря, нам успели надоест сквозняки в комнатах и открытая всем ветрам лестница в Сусе, да и повар-тунисец уже исчерпал свой скромный репертуар.

Итак, знакомство с Фаидией состоялось. По Плинию, этот район годился «только для сильфия», но Луллу, если она затеет писать современную «Естественную историю», может подтвердить, что в наши дни фаидийские земли вполне подходят для дикого артишока.

И если не считать столь пагубного для скота дриаса, мы так и не нашли в этой полосе ничего похожего на сильфий.

МОНЕТА С СИЛЬФИЕМ

На обратном пути из Фаидии мы заглянули к нашему приятелю, директору большого, роскошного отеля в Шахате, и — представьте себе! — услышали от него, что на следующий день освободятся два номера, которые он может сдать нам. И мы поехали дальше курсом на северо-восток, торопясь поскорее распутать петли на спуске к Аполлонии, чтобы рассчитаться в гостинице в Сусе, уложить свои вещи, попросить повара приготовить артишоки Луллу и повидать бельгийца с монетами, с которым Луллу познакомилась накануне вечером.

Сразу за последним виражом, когда машина вышла на прямую дорогу, я вдруг увидела несколько дриасов с полностью созревшими плодами и нажала на тормоз.

Большие соплодия шуршали, как бумага, на слабом ветру. Я внимательно рассмотрела один плод.

Он был плоский, овальный, с продольными ребрами посередине и двумя прозрачными крылышками по краям.

Я благодарно глядела на эти тонкие крылышки, словно вырезанные из папиросной бумаги. Такая характерная примета позволит мне без труда отыскать в моих «Флорах» латинское наименование дриаса, как только я вернусь в гостиницу!

Увы, на деле это оказалось не так-то легко.

В «Флоре Египта для студентов», составленной Виви Текхольм, о феруле говорилось, что у нее широкие, плоские, гладкие плоды с ровным краем. И ни слова о крылышках.

В «Цветях Средиземноморья» Полунина и Хаксли я нашла рисунок плода ферулы. Овальный, с ребрами посередине, но никаких крылышек по краям. А ведь у наших экземпляров они достигали почти сантиметра в ширину.

В имевшихся у меня книгах о флоре Севера — ни слова о феруле. Я вернулась к Африке, внимательно читала текст и рассматривала иллюстрации, но во всем разделе, посвященном семейству зонтичных, так и не

нашла ни одного рода с крылатыми плодами, как у дриаса. А между тем я могла поклясться, во-первых, что дриас принадлежит к зонтичным, во-вторых, что у него плоды с широкими крылышками.

Роды нартекс и тапсия, которые упоминались в сделанных мной и Луллу выписках из ученых трудов, вообще не встречались в моих африканских «Флорах».

— Это не ферула,— мрачно пробормотала я, когда Луллу влетела в мою комнату.

— А я этого и не думала,— весело отозвалась Луллу.— Но повар обещал сварить их в подсоленной воде с лимонным соком с утра пораньше, к нашему отъезду. Он сказал, что это тот самый сорт.

Опять эти артишоки...

— Я про дриас,— сдержанно пояснила я.— Это не ферула.

— Ах, этот! — Луллу с явным трудом переключилась с нежной съедобной зелени на ядовитый дриас.— А что же это такое?

— Понятия не имею,— честно созналась я.— Поглядим, может, твой бельгиец нас просветит.

Мы спустились в вестибюль, и вскоре туда же пришел долгожданный бельгиец. Его сопровождали двое, в том числе один ливиец, который два года назад участвовал в ботанической экспедиции, охотившейся за сильфием; наш новый знакомый объяснил, что он потому и привел его с собой.

Какое счастье! Наконец-то мы встретили людей, которых наши проблемы не повергают в полное недоумение! Мы обрушили град вопросов на ливийца, но, к сожалению, мало что извлекли—взаимные языковые трудности помешали. Зато бельгиец вручил нам толстую книгу в сером переплете, написанную французом Франсуа Шаму и озаглавленную «Кирена при Баттиадах».

Труд Шаму производил весьма солидное и ученое впечатление, после каждого второго или третьего слова стояла маленькая цифра, отсылающая к сноскам, которые занимали не меньше трети страницы. В сносках были указаны источники, использованные автором, говорилось, кто из классиков или позднейших исследователей сообщил то-то и то-то, в какой из своих книг, на какой странице. Серый том был сама ученость. К сожалению, мы не успели углубиться в этот кладезь знаний, потому что наши блуждающие взгляды остано-

лись на изображениях монет с сильфием в самом конце книги.

На одной монете растение было показано целиком, и мы усмотрели в нем большое сходство с дриасом. Обнимающие стебель огромные влагалища, соцветия, общий вид — все, как у дриаса.

Рядом была изображена монета поменьше, а на ней — два сердца, выемкой друг к другу. Надпись внизу гласила: «Плод сильфия».

Плоды дриаса не шли у меня из головы, но сколько я ни рассматривала эти сердца, при всем желании не решилась бы утверждать, что собранные мной образцы хотя бы отдаленно на них похожи. Даже если повернуть книгу боком или вверх ногами.

— А откуда известно, что это плод сильфия? — недоверчиво спросила я. — Этот узор может изображать что угодно. Например, два сердца.

Бельгиец ласково улыбнулся.

— Совершенно верно. Мнения по поводу этой монеты сильно расходятся. Сильфиеву гипотезу выдвинул один француз в середине прошлого века, а прежде считалось, что на монете изображены сердца, и она имеет какое-то отношение к городу Кардия, ведь «кардиум» означает «сердце». Многие склонны соглашаться с тем французом, и автор вот этой книги, Шаму, тоже склоняется к тому, что это — стилизованное изображение корня сильфия, ведь именно в корне содержался драгоценный эликсир жизни. Плоды-то не представляли никакой ценности.

Два сердца выемкой друг к другу изображают корень? Не вижу сходства, хоть режь меня. Но, видно, и ученые историки, оснащающие свои труды бездной ссылок и указаний на источники, иногда дают волю фантазии. И ничего дурного в этом нет.

Я решила записать название книги и имя автора, чтобы при первом же случае, как только попаду в большой город с хорошей библиотекой, постараться раздобыть сей важный вклад в проблему сильфия, но тут наш бельгийский друг сунул руку в карман и небрежно бросил на стол горсть старинных медных монет. Мы с Луллу коршунами набросились на монеты, вертели их и так и сяк, разглядывали со всех сторон. И в самом деле нашли одну с сильфием; на другой стороне были вычеканены прекрасные черты Аполлона.

— О,— простила я, испытывая муки вожделения.

Я решила посоветоваться с Луллу и спросила ее, может быть, она захочет купить эту монету, если бельгиец согласится с ней расстаться. Как-никак моей подруге принадлежал, так сказать, приоритет в этом деле. Это она разыскала бельгийца, это благодаря ее неистощимой энергии состоялась наша встреча. Но Луллу ответила отрицательно. Она мечтала сама откопать монету среди развалин. Покупать — ни в коем случае, великодушно заявила она. Мы закончили нашу маленькую двустороннюю конференцию, и я призналась бельгийцу, что мне страшно хочется приобрести монету с сильбием. Он не продаст ее?

Я была готова целую неделю спать в «лендровере», жить впроголодь, даже обходиться без шкаликов, которые мы с Луллу иногда пропускали в барах, чтобы — как выражалась моя спутница — «скрасить жизнь».

Я с нетерпением ждала, какую цену назовет бельгиец. А он сидел и улыбался, вертя в пальцах монету.

— Нет, я не продам ее,— заявил он наконец.

Предложить ему десять ливийских фунтов? За стертую старую монетку, которая в свое время стоила грош... Я не пожалела бы и двадцати фунтов (двести сорок шведских крон), ибо в душе моей уже возникло суеверное убеждение, что эта монета — талисман, она принесет мне счастье в жизни. В крайнем случае, пропью две недели в «лендровере»...

— Я получил эти монеты от одного ливийца, он нашел их целую грудку, когда раскапывал кучу земли, которую словно крот набросал,— неторопливо поведал бельгиец.— Так что продавать я не согласен. Но я дарю вам монету с сильбием, потому что вы так увлечены этим растением.

Не принадлежи я к малочисленному разряду «застенчивых шведок», я крепко обняла бы этого бельгийца, такой восторг обуял мою душу. Надеюсь, при виде моего блаженного лица он простил мне скудость моего запаса французских благодарственных слов.

Поднявшись в свою комнату, я долго сидела с монетой в руках и мечтала. Потом положила ее в сумочку, в отделение, запирающееся «молнией». Пусть лежит там и потихоньку источает магическую силу, воодушевляя меня на новые усилия в борьбе со все более усложняющейся проблемой сильфия.

ТЕМНЫЙ ЦВЕТOK САРКОФАГОВ

— Просыпайся, лазер Христина, пора вставать, сегодня мы возвращаемся в Кирену,— бодро приветствовала меня Луллу, входя рано утром в комнату.

Мы сделали прилагательное из слова «лазер» по примеру императора Августа; Макробий пишет, что император обращался к своему близкому другу Меценату «лазер Аретин», подразумевая «мой дражайший друг Аретин», ибо лазер в то время ценился чрезвычайно высоко. В самом деле, вожденная камедь продавалась на вес золота и серебра, которые тогда были равны друг другу в цене. Киреняне платили дань Риму лазером, и когда Цезарю понадобились деньги для войн, он взял из государственной казны полторы тысячи фунтов лазера. А император Август, как я уже сказала, сделал из лазера эпитет, чтобы показать, сколь высоко он ценит своего друга. Словом, у меня были все причины чувствовать себя польщенной.

И все же мысль о том, что надо расставаться с Аполлонией, омрачала мое настроение. Правда, чемоданы были уложены еще накануне. Но еще предстояло с помощью слуг тащить вниз по крутой лестнице прессы, пишущую машинку и всевозможные пожитки, запихивать их в машину, ехать в Шахат, там опять выгружаться и нести наш багаж по другим лестницам в номер, где придется заново привыкать к испорченной настольной лампе, бастующему крану и прочим изъяснам. Пока еще освоишься...

Когда погрузка была окончена, прибежал повар-тунисец с полиэтиленовым мешочком, в котором лежали только что сваренные артишоки Луллу. Этот маленький эпизод отчасти подсластил нам горечь расставания с отелем в Сусе.

Утренняя трапеза состоялась на краю оврага, где мы любили останавливаться, во-первых, из-за чудесного вида, во-вторых, ради обилия редкостных цветов. Впрочем, на сей раз наше внимание было целиком поглощено горячими артишоками, которые изысканным вкусом превосходили все культурные артишоки, какие нам когда-либо доводилось есть.

Не было еще девяти, когда мы приблизились к Шахату. Полагая, что обещанные нам номера еще не убраны после предыдущих постояльцев и уборка начнется не скоро, и не желая праздно сидеть и ждать

в вестибюле, мы решили, не разгружая машины, посетить обширный район развалин к западу от центральной Кирены, который приметили во время предыдущих вылазок.

Для этого мы свернули на дорогу, идущую несколько севернее Эль-Бейдского шоссе, и ехали по ней, пока не очутились в окружении цветов, разрушенных стен, надгробников и беспорядочно разбросанных в поле больших каменных саркофагов. Некоторые саркофаги перекошились и наполовину ушли в землю; все говорило за то, что на этом участке еще не трудились дотошные археологи.

Как всегда, мы с Луллу разошлись в разные стороны. Ее больше всего занимало содержимое саркофагов. А меня привлекла напоминающая львиный зев маленькая трехлистная льнянка³⁷ с желтыми и белыми цветками и синими чашечками, а также маленькое ползучее растение с синими цветками, на первый взгляд до того похожее на очный цвет³⁸, которым изобилуют шведские поля, что я сперва не собиралась его трогать, так как в моей коллекции этот вид уже представлен. Но тут я разглядела, что у него не отдельные лепестки, а сплошной венчик с широкой кромкой. Оказалось, что это мелкоцветный сицилийский вьюнок³⁹, довольно редкий в Северном Египте, широко распространенный в районе Джебель-Эльба на крайнем юго-востоке Египта и вовсе не встречающийся в Швеции.

Я увидела также маленький молочай⁴⁰, до того невзрачный и неинтересный, что не хотелось даже нагибаться за ним. Но тут я вспомнила, как Виви Текхольм однажды сказала мне:

— Бери все, что увидишь! Даже самое неказистое и заурядное на вид растение может оказаться ценным!

А потому я добросовестно выдернула из земли два экземпляра молочая и заложила их между промокашками в пресс вместе с трехцветной льнянкой и синцветным вьюнком.

Мне не пришлось об этом пожалеть. Когда мой сбор попал в руки Виви Текхольм, ее особенно обрадовал невзрачный молочай Бивона, который считается большой редкостью. Правда, этот вид молочая упоминается в ее «Флоре Египта для студентов», но в богатейшем гербарии Виви не было ни одного экземпляра.

Вдруг я услышала громкий голос Луллу:

— Скорей иди сюда! Бьюсь об заклад, такого цветка ты еще никогда не видела!

Заманчивый призыв! И хотя цветы в отличие от птиц и насекомых не склонны спастись бегством от человека, я быстрым шагом направилась к саркофагу, над которым наклонилась Лулла.

Крышка съехала, было видно темное и влажное дно каменного ящика. А на дне — семь-восемь экземпляров растения, при виде которого у меня по спине побежали мурашки.

Они напоминали наши белые каллы из погребальных венков, только соцветия с листьями-покрывалами были поменьше и поуже. Однако не мысль о наших мертвенно-белых каллах и о похоронах заставила меня содрогнуться, а окраска покрывал: темные, коричневато-фиолетовые воронки на анемичных, лишенных хлорофилла стеблях-переростках. И прямо из сырой земли на дне саркофага, тоже какие-то непомерно длинные, торчали широкие стрельчатые листья.

— Неприятный вид у них, — констатировала Лулла.

Мне оставалось только согласиться. Не ошиблась Лулла и в том, что я еще никогда не видела такого цветка. Ничего удивительного, ведь речь шла об эндемичном для Киренаики растении аронник киренаикский из семейства ароидных⁴¹.

Теперь и мое внимание с ярких цветов кругом переключилось на темные внутренности двухтысячелетних саркофагов. И мы нашли еще более анемичные экземпляры в других каменных гробах.

Разумеется, я только с помощью Виви Текхольм и сравнительного материала в ее гербарии смогла определить это диковинное растение. Однако ни в одной «Флоре» не говорилось о его пристрастии к саркофагам. Честь открытия столь необычного места произрастания принадлежит Лулле Бьёркенхейм, Орисберг, Финляндия.

Заложив в пресс цветок из саркофага, мы сели на развалины древней стены, чтобы насладиться южным теплом, солнцем и яркими насекомыми, которые кружили около заманчивых цветков.

— Райский край, — сказала Лулла. — Но меня тоска берет, как подумаю о том, что мы приедем в новый отель и будем разбирать вещи и проклинать все эти

опасные электрические провода, незажигающиеся лампы и грязные ванны.

Я думала о том же.

— По-моему, сейчас мы вряд ли можем рассчитывать на заметные успехи с сильфием,— размышляла я вслух.— Нам не обойтись без помощи Виви в Каире и без хорошей специальной библиотеки. Ведь наши собственные выписки мы уже наизусть выучили.

Последовала многозначительная пауза. Жужжали шмели, привлеченные обилием клевера; комары пировали на наших открытых руках и шеях.

— А что если...— начала я, но не успела договорить, Луллу перебила меня.

— Ну конечно! — горячо произнесла она.— Ты считаешь, что надо отказаться от номеров в отеле и прямо сейчас отправиться в Каир?

Именно это я и считала. На часах всего только начало первого. Если мы немедленно доедем до отеля и скажем директору, что наши планы изменились, номера нам не нужны, то еще дотемна можем поспеть к ливийско-египетской границе. Оттуда день езды до Александрии, а на третий день мы уже будем в Каире.

Все наши вещи упакованы и уложены. Значит, остается только претворять в жизнь наше внезапное решение.

Пусть дриас спокойно цветет и плодоносит, не опасаясь, что его выкопают с корнем. И пусть проблема сильфия потерпит. Две тысячи лет ждала, может еще немного обождать, пока мы будем штудировать ученые труды в Каире. А когда управимся с теоретическими исследованиями, оптимистически заключили мы, то вернемся, напичканные знаниями и ученостью, в Ливию и в два счета разгадаем загадку.

— Бороться и искать,— сказали мы себе и сели в «лендровер».

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

И мы бежали в Египет. Это в самом деле было бегство — во всяком случае, бегство от действительности, каковая выразалась в нашем невежестве и бессилии решить загадку сильфия.

Мы зашли в тупик. Может быть, нам не суждено пробиться к цели, но мы должны хотя бы выбраться из

тутика, искать новые пути, новые ходы, новые возможности.

Машина бежала на восток; хорошие дороги чередовались с никудышными. Нетрудно было убедиться, что король Идрис и его правительство обращают часть денег от сбыта нефти на новые автострады. Но за неимением собственных сведущих инженеров власти вынуждены были — полагаю, без особой охоты — привлекать на руководящие должности итальянских специалистов.

К юго-западу от приморского города Дерна широкое и, хочется сказать, бархатное шоссе врезано красивыми петлями в белые известняковые скалы. Внезапно нашим взглядам открылось Средиземное море, и у нас даже дух захватило от восхитительного зрелища. После Дерна снова пошли крутые зигзаги старой дороги, и мой «лендровер», тяжело дыша, напрягал все свои лошадиные силы, одолевая подъем на первой скорости.

Темнота настигла нас, прежде чем мы доехали до границы.

— Лучше заночуем, не доезжая до египетского пограничного города Соллум, — сказала я. — Он так красиво расположен на берегу морского залива, это такая упоительная картина, обидно, если ты не увидишь ее при дневном свете.

— Но непохоже, чтобы мы могли найти какой-нибудь отель или рестхауз, — констатировала Луллу.

Что верно, то верно. Вспомнив, как в прошлом году мы с Катериной поставили «лендровер» около ливийской пограничной заставы и ночевали в нем, я осторожно рассказала об этом случае Луллу.

— Отлично придумали, — заключила она. — Значит, останавливаемся у заставы и спим в машине.

Луллу, как всегда, понимала меня с полуслова.

Ливийские пограничники несколько не возражали против того, чтобы мы поставили машину в надежном, на наш взгляд, месте — поблизости от их будки. Напротив. Они очень серьезно отнеслись к своим обязанностям ангелов-хранителей, и когда мы с Луллу без особых церемоний, иначе говоря, не умывая лица и не чистя зубов на ночь, улеглись спать — она на заднем сиденье, я на переднем, — то всю ночь слышали шаги и время от времени видели чей-то расплющенный

о стекло нос. Пограничники не спускали с нас глаз, все было в полном порядке.

Мы проснулись на восходе. Во всяком случае, по часам должен был быть восход, но солнце явно было не в духе. Оно упорно пряталось за толстой пеленой густого желтого тумана.

Пройдя вместе с машиной все контроли, оформив выезд и въезд, мы принялись спускаться к Соллуму, видя от силы на несколько метров вперед. Было жарко и душно.

— Это здесь красота неопишемая? — поинтересовалась Лулла.

— Ага, при солнце, — подтвердила я. — Когда внизу простирается бирюзовое море... Да только сейчас такая погода, что его совсем не видно.

В Соллуме нас настигла песчаная буря. Вихри раскаленного песка закружились над дорогой, песчинки проникали через все щели в машину, набивались в уголки глаз, в нос, в уши, волосы. Сухой зной усугублял наши мытарства, скорость не превышала двадцати километров в час, но мы все же пробились в Мерса-Матрух. В нескольких километрах западнее города на берегу высится утес Агиба, который я тоже расписала Лулле как верх красоты. Увы, и тут метеорологические условия уготовили моей подруге разочарование; нам пришлось утешаться египетским обедом в грязноватой таверне в этом маленьком приморском городке с изумительными окрестностями, скрытыми в пелене плотного желтого тумана.

Когда мы отъехали от Мерса-Матруха на восток, песчаная буря унялась и туман рассеялся, но мое обещание показать Лулле еще одну достопримечательность и на этот раз не было выполнено. Речь идет о потрясающей, незабываемой картине военных кладбищ в Эль-Аламейне, среди которых английское кладбище с бесконечными прямыми рядами простых надгробных камней больше всего берет меня за душу. На каждом камне — фамилия и год рождения, чаще всего — 1920-й. А год смерти — один и тот же для всех этих тысяч молодых людей, черный год одной из самых тяжелых для Англии фаз второй мировой войны. 1942-й, год битвы при Эль-Аламейне...

Мы проезжали щиты с предупреждениями о лежащих в полях минах, которые за двадцать семь лет не

утратили своей смертоносной силы. Но милосердный покров ночной тьмы уже скрыл место, где ярость держав «оси» вылилась в потоки крови.

Мы промчались мимо в ночи. И подумали, что наша усталость, наш голод, пот, грязь — все это ничто перед муками, выпавшими на долю английских солдат, которые воевали и кончили свою жизнь в этих местах. Местах, где камни говорят и немые надписи шепчут свое вечное осуждение бессмысленности войн и злобы человеческой.

МЕД И ДЕГОТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

После того как мы ворвались в ботанический кабинет Виви Текхольм и бурная радость свидания озарила и без того солнечное помещение, после того как мы хорошенько потискались друг друга в объятиях, Виви нетерпеливо спросила:

— Ну как? Нашли сильфий?

В ее голосе не было ни капли иронии. Ибо Виви Текхольм — величайший в мире оптимист, недаром она столько раз выражала надежду дожить до решения загадки сильфия. И она слепо верит в неограниченные возможности и способности своих ботаников-любителей.

— Мне очень жаль тебя огорчать, Виви, — сказала я. — Но мы ни на миллиметр не приблизились к ответу. Вот единственное, что мы нашли.

Я положила на один из длинных рабочих столов в кабинете несколько высохших корней и увядших растений дриаса.

— Кроме того, у нас, конечно, есть запрессованный экземпляр. И есть другие цветы, не имеющие ничего общего с сильфием.

— Отлично, — сказала Виви. — Я всегда рада любому пополнению моих коллекций.

Она уже держала в руках соцветие дриаса с плодами.

— Это не может быть ферула, — задумчиво произнесла она. — У ферулы не бывает крылатых плодов.

— Местные жители называют его дриасом, — уныло сообщили мы.

— Минутку, я схожу за своими «Флорами», — сказа-

ла Виви и исчезла в лабиринте книжных полок в библиотеке.

Полистав книги и пристально рассмотрев в лупу крылатые плоды, она подвела итог:

— Нет, это не ферула. Это, должно быть, тапсия. А точнее, гарганская тапсия.

Мы с Луллу обменялись красноречивыми взглядами. Итак, наша ферула вовсе не ферула. Она не из того рода, к которому современные ботаники единодушно относят сильфий. Да, но ведь гарганская тапсия для нас тоже не совсем неведомое наименование... Вдруг Луллу просияла.

— Это же то самое растение, которое и Вивиани, и Делла Челла, и Барт в прошлом веке считали сильфием,— радостно прошептала она.

— В том-то и дело, что в прошлом веке,— мрачно произнесла я.— Правда, А. Фойгт и А. Ваче недавно поддерживали эту гипотезу, но она подвергается очень сильной критике со стороны большинства исследователей.

Не зря я штудировала выписки Луллу в дождливые дни и бессонные ночи, когда под рукой не было другой литературы.

Виви молча слушала нашу дискуссию, ласково улыбаясь потугам ботанических выскочек.

— И все-таки, по-моему, вам стоит еще раз проверить эту гарганскую тапсию,— весело предложила она.— Ведь никто еще не доказал окончательно, что сильфий на самом деле принадлежал к роду ферула. Почем знать, может, это был один из видов тапсии.

Луллу отправилась в Гельван, в тридцати километрах к югу от Каира, надеясь усмирить серными ваннами радикулит, который заметно обострился, когда мы пробивались сквозь песчаную бурю в щелеватом «ленд-ровере».

Я же проводила большую часть времени в ботаническом кабинете и дома у Виви, прилежно изучая классиков. Моя хозяйка без усталости носила мне старые пыльные фолианты и более свежие труды о сильфии. А еще она сходила вместе со мной во Французский институт и помогла мне получить на дом книгу Франсуа Шаму «Кирена при Баттиадах». И мы с ней не один час провели в библиотеке Египетского музея, рассматривая

через лупу монеты с сильфием в книге Люсьена Навиля «Золотые монеты Киренаики».

Нашим дискуссиям о сильфии не было конца. Виви придумывала все новые и новые ходы.

— Когда вернешься в Кирену, собери побольше корней дриаса и пошли на анализ профессору Финну Сандбергу в Стокгольм. И не забудь расспросить бедуинов на месте, может быть, они применяют дриас. Если да — узнай, для чего. Выведай у них все, что они знают, ведь бедуины исстари занимаются растениями и их применением...

— Не так-то легко расспрашивать бедуинов, когда не знаешь арабского языка, — мрачно возразила я.

— Возьми с собой переводчика, — подбадривала меня неунывающая Виви. — Нет ничего проще, как найти говорящего по-английски ливийца, который сможет переводить тебе.

Виви не признает трудностей, для нее нет ничего невозможного.

Я же не раз была готова капитулировать.

Как, например, в тот раз, когда я села проработывать староанглийский перевод сочинений Теофраста, чтобы впитать все, что им написано о сильфии, — каждое слово, каждый слог! — и попытаться извлечь что-то новое из сего источника премудрости. И в начале третьей главы шестой книги прочла:

«Наиболее замечательны и своеобразны по своим свойствам сильфий и египетский папирус: оба они относятся к разряду ферулоподобных растений. О папирусе мы говорили уже раньше в разделе о водяных растениях; о сильфии стоит сказать теперь».

— Проклятый Теофраст, — сердито пробормотала я.

— Что ты сказала? — заинтересовалась Виви, отрывая свои ясные голубые глаза от засушенных растений, определением которых она в эту минуту занималась.

— Извини, что я тебе опять помешала, — повинилась я. — Но этот Теофраст...

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — справилась Виви с никогда не изменяющим ей ангельским терпением.

— Он пишет, что папирус принадлежит к ферулоподобным растениям. Ну что ты будешь делать. Ведь это же чепуха на постном масле. Папирус — травянистое растение, никакого родства с ферулой.

Виви взяла книгу: на левых страницах — греческий текст, на правых — староанглийский перевод. Поразмыслив, она заключила, что Теофраст, скорее всего, намекал на сходство растений с зонтиковидными соцветиями.

— Но вообще тебе не мешает проверить по греческому тексту, правда ли, что Теофраст написал «ферулоподобный», — добавила Луллу. — К сожалению, здесь, в Каире, у меня нет знакомых, знающих древнегреческий. Но это все ты без труда выяснишь, когда вернешься в Стокгольм.

Так я, простая любительница, начала понемногу постигать, что такое настоящее исследование. Как это сложно, безумно сложно, сколько времени требует. И чем дальше, тем увлекательнее.

Итак, несколько недель уйдет у меня на то, чтобы одолеть метр литературы на иностранных языках. После этого мне предстоит возвратиться в Ливию, чтобы собрать там корни и целые экземпляры дриаса и возможно скорее послать их самолетом в Стокгольм, профессору Финну Сандбергу. Затем найду переводчика и вместе с ним отправлюсь в поля вокруг Килены, чтобы выведать у бедуинов все, что они знают о дриасе, а одновременно буду высматривать другие растения, прежде всего из семейства зонтичных, которые могут оказаться сильфием. Особенно хотелось бы найти тингитскую ферулу — она достаточно широко распространена на средиземноморском побережье — и послать ее корни Финну Сандбергу; Виви обещала написать профессору письмо и предупредить его о странных посылках, которые ему доставят. А когда я наконец вернусь в Стокгольм, обращусь к богословам или другим лицам, знающим древнегреческий язык, и с книгой Теофраста в руках спрошу их, что скрывают причудливые завиточки на четных страницах.

подавляя вздох, я снова обратилась к ученым трудам, от которых у меня в мозгу был такой же ералаш, как от выписок Луллу.

Теофраст жил во времена сильфия, но сам никогда не бывал в Киренаике и не видел своими глазами живого растения, поэтому он исходил в своих описаниях из чужих слов. Так, в одном месте он пишет: «Сильфий занимает в Ливии значительное пространство...» — после чего приводит непонятную для меня меру площади

и сообщает, что особенно много сальфия растет вокруг залива Сирт начиная от Эвесперида (Бенгази).

В этом месте из глубин моей души снова вырвался тихий вздох. И вдруг я услышала веселый голос Виви Текхольм:

— Слушай, кстати о папирусе! Давай поедem к пирамидам, поглядим на папирусный плот, который строит Тур Хейердал, чтобы переплыть Атлантический океан!

Я с радостью захлопнула старика Теофраста. Помимо тьмы других достоинств Виви обладает даром угадывать психологически верный момент для разумных предложений.

Мы забрались в «лендровер», отдохавший около университета, и пошли выписывать зигзаги между арбами, грузовиками, верблюдами, легковыми машинами, мужчинами в длинных одеяниях, детьми и собаками, направляясь по Гизской дороге к пирамидам, этим неизменно красивым, светло-коричневым треугольникам, запечатленным, как на открытке, на фоне безоблачного неба. Миновали Хеопса и Хафра, проползли мимо Микерина и прямо по песку подъехали к пятнадцатиметровой папирусной лодке. Люди всех цветов кожи — три сведущих в папирусе уроженца республики Чад, египтяне и норвежец в небесно-голубом костюме яхтсмена — лихорадочно трудились, торопясь закончить работу к тому времени, когда подует пассат, который повлечет лодку из Марокко в Мексику через океан.

— Чистое самоубийство, — прошептала я Виви, глядя на изящно загнутую впереди и сзади лодку из снопов папируса, перехваченных веревками.

— Специалисты говорят, что она продержится на воде от силы три недели, — так же шепотом ответила мне Лулла. — Потом утонет. А от Марокко до Мексики плыть три месяца. Но бог бережет сумасбродов. Вот увидишь, все кончится благополучно. Как было с плотом «Кон-Тики».

Задорно улыбаясь, коричневый от солнца Тур Хейердал рассказал нам про шестерку членов экипажа, которые должны были выйти вместе с ним в рискованное плавание. Он сам подбирал себе спутников, и от них требовались два качества: чувство юмора и умение стряпать.

Тур Хейердал задумал своим плаванием показать, что египтяне поры фараонов в принципе могли попасть

в Мексику на папирусной лодке. Он видел много общего в древнеегипетской и мексиканской культурах и допускал возможность того, что жители Средиземноморья пересекли Атлантический океан на папирусных судах. Ведь в древности папирус обильно рос на берегах Нила, и из него вязали лодки.

Теперь в Египте папируса нет, его пришлось везти издалека, но строители во всем старались следовать древнеегипетским образцам. Только в одном древняя традиция нарушалась: члены экспедиции собирались в числе прочего провианта взять с собой консервы.

А чтобы питание не было слишком однообразным, участники должны были готовить по очереди, потому и требовались от них кулинарные способности.

Что до чувства юмора, то это требование вполне понятно и пояснения не требует. Сам Тур Хейердал явно обладал чувством юмора в избытке.

Шесть спутников Хейердала представляли разные нации: мексиканец, русский, уроженец Чада, египтянин и американец. Только двое из них успели уже познакомиться, остальным предстояло узнать друг друга лишь на старте.

— В плавании будет вдоволь времени для знакомства,— объяснил Тур Хейердал с веселой искоркой в глазах.

Вечером я, оставшись в одиночестве, снова предавалась размышлениям о сильфии. По просьбе Виви, ее помощник, профессор Набиль эль-Хадида, сделал фотографии посвященной сильфию последней главы в книге Франсуа Шаму, и мы с Луллу получили по экземпляру.

«Кирена при Баттиадах» написана по-французски, и я приступила к упомянутой главе не без внутреннего сопротивления. Но теперь я чувствовала в себе силы, необходимые, чтобы сломить это противодействие.

«Проблема киренского сильфия — вопрос увлекательный, сложный и запутанный; археологи и естествоиспытатели уже больше двух столетий тщетно пытаются разгрызть этот орешек. Исследованиями этой проблемы заполнены целые тома, а результата никакого. Сильфий принес Кирене богатство и процветание. Он был известен и широко применялся в античные века; его неоднократно упоминают древние авторы, а иные даже подробно описывают; он изображался на

монетах. И однако мы по сей день не знаем, что же это за растение».

Такое начало главы о сильфии сразу расположило меня к Франсуа Шаму и внушило мне доверие.

Продолжая сражаться с французским текстом, я узнала, что впервые слово сильфий встречается в одном из ямбов Солона, приводимых Поллуксом. Дальше оно появляется на вазе Аркесилая и затем довольно часто упоминается в пятом веке до нашей эры: Геродот говорит о сильфии как о растении, особенно хорошо известном в Киренаике; то и дело упоминает его Аристофан, причем мы узнаем, что в Афинах сильфий был модной приправой и деликатесом. Плиний... Теофраст...

В эту минуту зазвонил телефон. Луллу звонила из Гельвана.

— Ты не могла бы разыскать в своих бумагах снимок Коппа ди Вульчи? — взволнованно спросила она.

— Зачем искать, — ответила я. — Он передо мной.

— Отлично. Тогда посмотри и скажи мне, что там у царя между ногами!

— Как-как ты сказала? — переспросила я, не то чтобы шокированная, но все же слегка озадаченная таким предложением.

— Понимаешь, дело в том, что...

Дело было в том, что Луллу, которая в молодости училась в Сорбонне и немалую часть своей жизни болтала по-французски, гораздо дальше меня продвинулась в чтении восемнадцати страниц, отведенных сильфию в книге Шаму.

— Ну вот, и он подробно описывает каждую фигуру и каждую деталь росписи на вазе Аркесилая: царя и других лиц, ящерицу, птиц, мешки с сильфием, весы с обезьяной...

— Это и я могу сделать, даже с закрытыми глазами, — перебила я ее. — Но ты уж меня извини...

Я хотела сказать ей, что мне не пришло в голову изучать анатомию царя, поскольку это вряд ли могло приблизить нас к решению загадки сильфия, однако моя фраза так и осталась незаконченной. Обуреваемые нетерпением, мы с Луллу не давали друг другу договорить до точки.

— Представляешь себе, он так же, как и ты, считает, что взвешивание не могло происходить на борту

корабля в гавани Аполлонии, а что сильфий взвешивали на суше. Он доказывает...

— Вот досада,— перебила я ее.

— Досада? — удивилась Луллу.— Что же досадного в том, что известный современный французский историк, сторонник критической школы, разделяет твое мнение?

— Нет, конечно, это совсем не плохо,— мигом поправилась я. И печально добавила: — Обидно только, что меня все время опережают... «Кирена при Баттиадах» вышла в Париже в 1953 году.

— Во всяком случае, он разбирает пункт за пунктом и показывает, что взвешивание никак не могло происходить на тесной палубе качающегося корабля. И что нелепо думать, будто фон изображает парус. Где же это видано, чтобы судно во время погрузки стояло на якоре под парусами. Вот что считает Шаму: «Мы находимся в самой Кирене, на агоре или перед царским дворцом. Для защиты владыки растянут шатер. Перед царем помещены большие весы, подвешенные на горизонтальном бревне, опора которого находится за пределами поля зрения».

— Ничего не скажешь, все это звучит очень разумно,— заметила я, когда Луллу остановилась, чтобы набрать воздуха.— Ну, а что там у короля между ногами?

— Сейчас услышишь, что Шаму пишет дальше: «Рассмотрим теперь объект всех этих действий. Его описывали неопределенно, как „компактные волокнистые предметы“». На самом деле, хотя роспись повреждена, на оригинале ясно различаются не какие-то там волокнистые комья, а уложенные друг на друга предметы с четкими очертаниями. Это особенно хорошо видно между ногами центральной фигуры, где упомянутые предметы сложены на земле рядом друг с другом. У этих больших белых объектов яйцевидная, сравнительно продолговатая форма, а на одном из двух концов есть что-то вроде сердцевидной выемки...».

Мне показалось, что я начинаю догадываться, куда клонит Шаму. А Луллу энергично продолжала переводить с французского.

— «Никакого сомнения: перед нами корни сильфия, описанные древними авторами. Извлеченные из земли и очищенные, они затем поступали в царские хранилища. Плетеные мешки позволяли воздуху циркулиро-

вать и обеспечивали долгую сохранность. Недаром Теофраст уподобляет подвалы Кирены сильфиевому руднику».

Здесь Луллу опять остановилась. Я тоже молчала, погрузившись в раздумье.

— Христина, ты слушаешь?

— Слушаю.

— Так ты не можешь посмотреть на картинку, как там обстоит дело с этими сердцевидными предметами между ногами у царя?

— Я смотрю — смотрю так, что глазам больно. И хоть ты меня режь, не могу рассмотреть ничего сердцевидного. Даже в увеличительное стекло.

Зажав телефонную трубку между щекой и плечом, я навела лупу на искомый фрагмент росписи.

— По чести говоря, я не вижу даже ног царя. Там, где кончается одеяние и где должны быть ноги, видно только волокнистое вещество, которое, по словам Шаму, вовсе не является волокнистым веществом. А ниже него — царские башмаки. И никаких ног.

— Странно, — сказала Луллу. — Ты абсолютно уверена?

— Приезжай в Каир, помоги мне отыскать ноги царя, — предложила я. — Но ты мне скажешь, какое отношение имеет это нечто сердцевидное к решению загадки сильфия?

— Шаму пишет, что сходство между формой корня на вазе Аркесилая и предполагаемым «плодом» на монете подтверждает гипотезу, что плод на монете — не плод, а корень. И он продолжает: «Если это толкование верно, отпадает одно из главных препятствий на пути, ведущем к опознанию настоящего сильфия древних. Слово за ботаниками, которым надлежит довести до конца исследование на основе этих новых данных».

— Гм, — сказала я.

— Что «гм»? — озадаченно спросила Луллу.

— При всем моем уважении к историкам критической школы я бы хотела, чтобы они относились несколько критичнее и к своим собственным гипотезам.

Подведя в столь туманной формуле, достойной дельфийского оракула, итог нашего знакомства с Шаму, мы условились, что Луллу завтра приедет в Каир, чтобы помочь мне отыскать сердцевидные корни между ногами у царя Аркесилая.

СНОВА К КЛАССИКАМ

Положив телефонную трубку, я надолго задумалась. В кои-то веки нам попался добросовестный современный исследователь. Чуть ли не после каждого утверждения — цифра, отсылающая к сноскам, а в сносках названы источники, и похоже, что ни один классик и ни один из более поздних исследователей не укрылся от зоркого глаза Франсуа Шаму.

Его доводы в пользу того, что сильфий взвешивали в Кирене, а не на борту корабля в Аполлонии, выглядят вполне основательными. Но дальше он вдруг, как говорится, очертя голову утверждает, что в изображенных на вазе мешках лежат корни, а не сильфиевая камедь. Нет, тут что-то не так.

Я нетерпеливо взяла староанглийский перевод сочинений Теофраста, который отыскала в ботаническом кабинете Виви Текхольм. Что ни говори, из всех античных исследователей Теофраст оставил самое подробное описание сильфия, его сбора и обработки его смолы, или камеди. Конечно, у него встречаются противоречивые сведения, но это потому, что и он тоже не видел живого растения, а основывался на чужих словах.

Ни один из древних, которые описывали, перевозносили или воспевали сильфий, не видел растение собственными глазами!!!

Вот как характеризует Теофраст растение, которое он относит вместе с папирусом к разряду ферулоподобных:

У сильфия большой толстый корень; стебель такой величины, как у ферулы, и почти сходный с ним по толщине; листья, которые называют маспетон, похожи на сельдерейные; семя широкое, похожее на лист; его и называют листом. Стебель однолетний, как у ферулы. С наступлением весны он выпускает листья, которые очищают овец, делают их жирными и сообщают баранине изумительный вкус. После листьев появляется стебель, который едят во всех видах, вареным и печеным; говорят, что и он очищает тело за сорок дней.

Сок у сильфия двух родов: один вытекает из стебля, другой из корня, почему один и называется «стеблевой», а другой «корневкой». Корень покрыт черной корой, которую сдирают. Существуют особые правила по поводу того, как и где делать надрезы на корне.

причем учитываются и прежние надрезы, и общие запасы сильфия. Ибо не разрешается делать надрезы с нарушением правил и добывать больше сока, чем нужно для данного случая. Сок, если он не переработан, портится и гнивает. Торговцы, переправляющие сок в Пирей, подвергают его следующей обработке: влив в кувшины и подмешав к нему пшеничной муки, они длительно его взбалтывают, отчего сок приобретает свою окраску и теперь, уже обработанный, может долго стоять, не портясь. Так обстоит дело с собиранием и обработкой сильфия.

Сдается мне, это описание опровергает гипотезу Шаму, будто в мешки укладывали корни целиком. На мой непросвещенный взгляд, из текста явствует, что корни — во всяком случае, когда сильфия было мало, — даже не выкапывали, а делали надрезы, оставляя их в земле.

Дальше наш дорогой Теофраст, указав, где в Киренайке встречается сильфий, сбивает с толку себя и других таким сообщением:

«Растение это, говорят, отличается тем, что оно избегает обработанной почвы, и если земля превращена в нивы, постоянно обрабатываемые, то оно уходит прочь, словно показывая этим, что оно растение дикое и в уходе не нуждается. Жители Кирены рассказывают, что сильфий появился у них за семь лет до основания их города; основали же они его за триста лет до того времени, как Симонид был архонтом в Афинах.

Таковы сообщаемые ими сведения. Другие рассказывают, что корень у сильфия бывает с локоть или немного больше; в середине его имеется „голова“, которая поднимается очень высоко и почти выходит из земли; зовут ее „молоком“. Из нее потом вырастает стебель, а из него магидарис, называемый также и листом; это не что иное, как семя. Когда после захода Пса начинает дуть сильный южный ветер, он разбрасывает эти семена, и из них вырастает сильфий. В одном и том же году появляются и корень, и стебель; в этом нет ничего особенного: так бывает и у других растений. Может быть, однако, под этими словами подразумевается, что стебель вырастает сразу же после того, как разбросаны были семена.

Другая особенность сильфия (рассказ этот противоречит приведенному выше) состоит в том, что будто бы

его пужно ежегодно окапывать. Если его оставить так, то он, говорят, даст и семена, и стебель, но и они, и корень будут хуже».

Старику Теофрасту, которого восхищенные потомки удостоили почетного титула отца ботаники, было нелегко. Во-первых, за двести с лишним лет до нашей эры он не мог знать Карла Линнея и его систематики, отсюда, например, утверждение, будто сильфий и папирус относятся «к разряду ферулоподобных растений». Во-вторых, он не был ботаником в современном смысле слова. Он не отправлялся в поле изучать растения, а сидел, как утверждают, у себя дома и заимствовал у своего учителя Аристотеля. Когда же он выходил из дому, то, судя по всему, слушал рассказы мореплавателей и других профанов в ботанике о редкостных растениях дальних стран. А эти описания могли очень сильно различаться, это вполне естественно и сразу бросается в глаза.

Спрашивается, что же подразумевал Теофраст, употребляя слово «ферулоподобный»? Почему он не написал «тапсиаподобный»? Ведь в сочинениях этого древнего грека не один раз упоминается тапсия.

В новейших описаниях флоры тех стран, где встречаются и род тапсия, и род ферула, о них говорится как о близких друг другу, сходных родах. Отличаются они главным образом плодами. У плодов ферул нет крылышек. Плоды тапсий крылатые. Кроме того, у рода ферула есть весьма характерный признак. Центральные соцветия в большом зонтике содержат двуполые цветки, а в крайних соцветиях — цветки мужского пола.

Но этого Теофраст не мог знать, ведь ему ничего не было известно о пестиках и тычинках и их функциях.

Словом, как ни крути, ни верти, я невольно приходила к выводу, что вопрос, куда относить сильфий — к роду ферула или к роду тапсия, — был таким же неясным для Теофраста, как и для позднейших исследователей.

Сильфий мог быть и тем, и другим. Дальше этого я пока не могла продвинуться в решении загадки.

Тем не менее я жадно, предвкушая радостные открытия, набросилась на случайно попавшую в мои руки древнеримскую поваренную книгу Апиция. В 1963 году молодая исследовательница Мадлен

фон Хеланд перевела эту книгу на шведский язык. Так как Апиций жил во времена римских императоров, я стала искать в индексе лазер и лазерпициум. И, представьте себе, нашла один рецепт употребления лазера и один рецепт лазерного соуса. Вот что гласили советы римским поварам:

«Как использовать унцию лазера многократно: помести приправу в стеклянный сосуд, к примеру, вместе с двадцатью семенами пинии, и перед применением размели семена. После этого блюда удивят тебя необычным вкусом. Потом в сосуд опять кладется столько же семян».

Я долго соображала, зачем надо класть столько же семян в сосуд после того, как блюда удивили тебя необычным вкусом, затем перевернула еще несколько страниц и, как говорится, окунулась прямо в соус. Здесь было два варианта на выбор:

«1. Лазерный соус: раствори киренский или парфянский лазер в теплой воде с уксусом или гарумом или же смешай вместе перец, петрушку, сушеную мяту, корень лазера, мед, уксус и гарум.

2. Другой способ: перец, тмин, укроп, петрушка, сухая мята, сильфий, малабатрум, индийский нарду, фолиум, немного столового корня, мед, уксус и гарум».

Рецепт соуса тоже заставил меня призадуматься. Почему в одном случае говорится о киренском лазере, а в другом — о сильфии? Ведь лазер и сильфий вроде бы одно и то же?

И что такое гарум, малабатрум, фолиум и столовый корень?

Конечно, расшифровка этих названий не могла приблизить меня к решению загадки, но я уже осознала значение научной пунктуальности, а потому стала листать дальше и нашла словарь. Он был во всех отношениях поучительным.

Гарум, согласно Плинию, представлял собой жидкость, пользующуюся большим спросом. «Гарум получают из внутренностей рыбы и других ее частей, которые обычно выбрасывают. Смешивают их с солью, и они размягчаются, и при гниении упомянутых веществ получается гарум...»

Я твердо решила не применять гарум в моих домашних рецептах, когда вернусь в Швецию, и перешла к малабатруму.

«Кустарник, произрастающий на Востоке, по названию малабатрум, представляет собой греческое написание санскритского тамалапаттра...»

Этот деликатес тоже вряд ли войдет в мой обиход... Ну, а фолиум?

«Нам не удалось точно установить, какую именно приправу Апиций подразумевал под словом „фолиум“, поэтому слово оставлено без перевода...»

И тут мало что можно извлечь для современной практики; но среди четырех предлагаемых переводчицей толкований слова «фолиум» мой взгляд задержался на третьем: «Листья кустарника малабатрум (см.)».

Поистине, научное исследование — вещь сложная. Я малодушно перекинулась на столовый корень и узнала, что он представлял собой «толстый ароматный корень сложноцветного растения аплотаксиса — репейника, родственного чертополохам. Растение это ввозилось греками и римлянами из Индии».

После всех этих вылазок на периферию мне вдруг пришло в голову обратиться к истоку, иначе говоря, найти в словаре терминов, в который Мадлен фон Хелланд вложила столько труда, слово «лазер». И поскольку комментарий переводчицы и цитата из Плиния ярко свидетельствуют, какого тщания от нее потребовали даже отдельные ингредиенты в многочисленных и разнообразных рецептах поваренной книги Апиция, да к тому же служат неплохим примером того, как беззастенчиво древние заимствовали у своих предшественников и учителей, я приведу полностью все, что сказано в словарице о лазере:

«Лазер (сильфий).

Драгоценный лазер, или сильфий античности, который ценился выше всех остальных приправ. До сих пор его не удалось отождествить с какой-либо из ныне известных приправ, вероятно потому, что растение перевелось еще в древности. Сохранилось, однако, довольно подробное описание у Плиния: «Теперь следует сказать о лазерпициуме, весьма знаменитом растении, кое греки именуют сильфием, а получали его из провинции Кирена (Северная Африка). Сок называют лазером; его охотно применяют для всяких целей и для лекарств и продают на вес серебра. Теперь растение уже много лет как пропало в Кирене, потому что пастухи охотно

пасут свой скот там, где оно водится. В наше время удалось найти лишь один корень, который был послан императору Нерону. Если животное съест молодой побег, наблюдаются такие признаки: овца засыпает, коза чихает. Уже давно мы получаем только такой лазер, который растет в изобилии в Персии, Мидии и Армении; но он сильно уступает киренскому, да к тому же к нему подмешивают гумми, сакопений или молотые бобы. Вот почему непременно надо упомянуть о том, что при консулах Ц. Валерии и М. Эреннии (93 год до нашей эры) было ввезено тридцать фунтов лазерпициума; в начале гражданской войны диктатор Цезарь взял из общественной казны кроме золота и серебра 1500 фунтов лазера. У заслуживающих самого большого доверия греческих авторов мы читаем, что это растение первоначально появилось поблизости от садов Гесперид и Большого Сирта за семь лет до основания города Кирена, после того как землю вдруг пропитал густой, как смола, дождь. Действие этого дождя распространилось в Африке на 400 стадий; лазер произрастал дико в этом краю как живучий сорняк и как культурное растение, пропадая в пустыне; у него большой, толстый корень и стебель, похожий на стебель фенхеля. Листья этого растения называются маспетум; они напоминают петрушку, а семена похожи на листики, сами же листья опадают весной. Было заведено пасти скот на лазере; сперва он действовал очищающе, потом животные делались жирными, и мясо их получало замечательно приятный вкус. После увядания листьев люди ели стебель, приготавливая его по-разному, вареный или печеный... Сок извлекался двояким путем, из корня и из стебля; соответственно, он назывался ризиас и каулис, причем второй считался хуже первого и был подвержен гниению. На корне была черная кайма... Другие говорят, что растение имело корень, достигающий больше восемнадцати дюймов в длину и выдающийся наверху из земли... что у растения были золотистые листья, которые служили семенами и опадали после захода Пса, когда начинал дуть южный ветер».

Затем Мадлен фон Хеланд добавляет:

«Таким образом, киренский лазер, несмотря на великое усердие ученых, до сих пор не поддается опознанию, зато теперь все согласны, что парфянский лазер — это растение асса фетида, или чертов кал. Речь идет

о дикорастущем на Ближнем Востоке представителе рода ферула, семейства зонтичных. Асса фетида до нашего времени сохраняет свое значение как лекарственное растение, ее можно купить в аптеках. Есть сведения, что на Востоке ее иногда употребляют в качестве приправы».

Да, Мадлен фон Хеланд основательно потрудились, и ее сводка дает четкое представление о значении сельфия в Римской империи, но упрямое растение, «несмотря на великое усердие ученых», по-прежнему не поддается опознанию.

ОПЯТЬ КИРЕНА

После целого месяца изучения специальной литературы мы с Луллу были готовы покинуть Каир, чтобы снова отправиться на «лендровере» в Кирену и продолжить там полевые исследования.

— Постарайтесь возможно скорее отослать корни тапсии профессору Финну Сандбергу в Стокгольм для анализа,— напутствовала нас Виви Текхольм, когда мы прощались во дворе Гизского университета.— И не забудьте расспросить бедуинов, для чего они применяют дриас!

Мы обещали приложить все силы, чтобы выполнить ее задание, и за три дня домчались до Кирены. В районе Дерны нам встретились первые экземпляры тапсии. Большинство листьев завяло, и соцветия содержали плоды на разной ступени развития. Молодые были продолговатые и ребристые, причем ребра довольно заметно выделялись. На зрелых плодах отросли большие прозрачные крылышки, хоть сейчас в полет.

— Нам надо хорошенько присматриваться к плодам,— сказала я.— Ведь тапсия и ферула так похожи, что только по плодам и отличишь. Не мешало бы и ферулу найти, особенно тингитскую, чтобы и ее корни тоже послать Финну Сандбергу.

Я чуть не стерла напрочь тормозные колодки «лендровера». Стоило нам увидеть экземпляр высоких соцветий, как я нажимала ногой на педаль, и мы бежали проверять плоды. И всюду видели одно и то же. В одном соцветии — молодые плоды с ребристой каймой. В другом, на том же растении, — зрелые, сплюснутые, с прозрачными крылышками, шуршащими, как бумага.

— Знаешь, мне начинает казаться, что ботаники работали в поле в разное время года,— вздохнула я.— Одни выезжали в марте, видели только молодые плоды и назвали растение ферулой за ребристые семена. Другие работали в апреле, видели только зрелые плоды с крылышками и назвали растение тапсией.

— Ты хочешь сказать, что ферулы вообще нет,— недоверчиво произнесла Луллу.

Но я и сама была далеко не убеждена в основательности моей скоропалительной гипотезы.

Изучив плоды на нескольких десятках растений, мы потеряли всякую надежду когда-либо увидеть ферулу и взяли курс на большой роскошный отель в Шахате.

На смену пастельной палитре весенней флоры пришли более сочные краски, и наши старые знакомые среди развалин, в горах и вдоль дорог уступили место совсем другим видам и родам. На следующий день мы на пути из Шахата в Сус заметили тут и там волнующие ветром золотистые нивы, после чего пересмотрели свой прежний взгляд на ливийцев как на празднолюбивых людей. А в каменных саркофагах киренаикский аронник сменил темные, коричнево-фиолетовые фунтики соцветий на яркие початки вроде кукурузных.

Но мы сосредоточили свое внимание на дриасе (гарганской тапси), ведь нам надо было накопать корней, чтобы побыстрее отправить их для анализа в Стокгольм.

Весенние дожди прекратились, и жаркое летнее солнце прокалило почву, сделав ее еще тверже и неподатливее, чем она была полтора месяца назад. Даже привычные к земляным работам руки Луллу и ее финское упорство смогли вогнать лопату в землю лишь на два-три сантиметра.

— Это мужская работа,— констатировали мы.— Попросим кого-нибудь в гостинице помочь.

За ленчем нам не сразу удалось растолковать нашему суданскому официанту Гуссейну, чего мы хотим от него, но когда он уразумел, что речь идет не о стряпне, а о честном физическом труде на благо науки и что к тому же этот физический труд сулит ему дополнительное вознаграждение, он охотно дал согласие и обещал явиться в наше распоряжение в три часа, как только закончит обслуживание столов.

Без пяти три мы с Луллу сидели в «лендровере» около гостиницы. Ровно в три появился Гуссейн — длинный, мускулистый, в лучшей выходной одежде. Отутюженные брюки, ослепительно белая сорочка и новехонький желтый джемпер. Когда он сел в машину, коллеги провожали его завистливыми взглядами и долго махали ему вслед, дружелюбно улыбаясь.

В эту минуту Гуссейн чувствовал себя большим человеком.

Я поехала не в сторону Аполлонии, а на юг, рассчитывая, что там почва будет помягче. А вообще-то можно было выбрать любое направление, так как в окрестностях Кирены всюду шуршал соплодиями наш дриас.

Облюбовав несколько рослых экземпляров по соседству с дорогой, мы остановили машину и вытащили большую лопату. Гуссейн не мешкая вонзил ее со всего маху в землю. До чего приятно было смотреть на мужскую работу! Земля и камни летели во все стороны, корень обнажался на глазах. Однако нам был нужен не только главный, но и боковые корни дюймовой толщины, которые щедрая природа вытянула в длину до метра. И так как они к тому же были ломкие, Гуссейну, к сожалению, удавалось извлекать их лишь по кускам.

Мы с Луллу внимательно рассматривали изломы. Из них сочился желтоватый сок, он в несколько секунд застывал, становясь густым и клейким. Когда мы двумя месяцами раньше лизали корневой сок, он не сочился так обильно и не застывал. На этот раз мы воздержались от дегустации.

Приметив крупный экземпляр на каменистом уступе, мы заключили, что тут, пожалуй, будет легче извлечь корни целиком. Гуссейн, конечно, не понимал, о чем мы говорим между собой по-шведски, но он и без того смекнул, что от него требуется, и, когда мы выбрали последний кусок от экземпляра номер один, немедленно принялся за номер два.

Тем временем нас окружили зеваки. Среди них нашелся ливиец, говорящий по-английски. Разумеется, мы засыпали его вопросами. Но он смог нам сообщить только то, что мы уже знали. А именно, что дриас очень ядовит. И что местный скот его не ест, а привозной, как отведают, падает замертво.

-Неужели дриас так ни для чего и не применяется? Может быть, бедуины используют хоть какую-то его часть — листья, плоды, стебель, цветки или корни? Из него не делают лекарств?

На все эти вопросы мы получили отрицательный ответ. Нет, дриас ядовит. Очень ядовит. И бедуины его совсем не используют.

Гуссейн почти уже справился с экземпляром номер два, и мы не могли не отметить, что его лучшая выходная одежда потеряла вид, а начищенные ботинки совершенно лишились блеска. Какая досада! Ведь нам нужно по меньшей мере еще два-три корня. Виви Текхольм говорила, что для настоящего, исчерпывающего анализа нужен не один килограмм материала.

Тут Луллу осенила идея, которую она не мешкая изложила Гуссейну. Не мог бы он вечером, после работы, вместе с кем-нибудь из своих товарищей выкопать для нас еще несколько корней? И она назвала сумму, от которой темное лицо Гуссейна засияло ярче солнца.

Очень довольные друг другом, мы погрузили добытые корни дриаса в «лендровер» и возвратились втроем в отель. Напоследок Гуссейн поклялся спасением своей души, что завтра утром перед отъездом мы получим от него еще корни, много корней.

За обедом в столовой отеля мы встретили одного шведского инженера, представителя фирмы «Л. М. Эрикссон». Он рассказал нам, что другой шведский инженер сегодня утром выехал из Шахата в Бенгази, чтобы там сесть на самолет, идущий в Триполи. А из Триполи он полетит в Стокгольм.

Этого инженера мы должны поймать любой ценой! И любой ценой уговорить его взять с собой корни дриаса и передать их профессору Сандбергу в Стокгольме. Для подкупа у нас была последняя книга Виви Текхольм «Пустыня цветет», которую она лично подписала «тому доброму человеку, который любезно согласится отвезти таинственный сильфий профессору Финну Сандбергу»...

Если стартовать завтра рано утром и ехать без задержек, не исключено, что нам удастся, одолев тысячу двести километров, застать «добраго человека» в Триполи — либо в конторе Скандинавской авиакомпания, либо на аэродроме.

Ставя на стол тарелки с супом, Гуссейн многозна-

чительно посмотрел на нас, а мы, рассчитываясь за обед, напомнили ему про его задание.

И Гуссейн не подкачал. Когда мы на другое утро собрались в путь, он вместе еще с одним силачом приволок огромную картонную коробку, полную облепленных глиной корней. Вдвоем они затолкали коробку на заднее сиденье «лендровера».

Итак, мы выполнили свою киренскую программу. Теперь оставалось только поскорее переправить корни в Швецию.

СЛОВНО ВИХРЬ

С заветным грузом, который составляли килограммы свежих корней тапсии, мы взяли курс на запад. Быстро промчались через Эль-Бейду и несколько других городов поменьше. Приближаясь к прекрасной долине Вади-Куф, мы отметили, что здесь все реже попадается дриас, он же гарганская тапсия. После Вади-Куф он и вовсе пропал, во всяком случае с дороги его не было видно.

Бенгази мы ухитрились не заметить. Удивительный случай, ведь Бенгази как-никак один из крупнейших портов Северной Африки.

Вблизи города ремонтировалось шоссе. Вдруг мы уперлись в оградительные знаки, которые не пускали нас в Бенгази. От шоссе в разные стороны расходились грунтовые дороги без указателей. Мы поехали на юг.

Лулла разложила на коленях большую карту города Бенгази и его окрестностей.

— Нам надо ехать на запад, к морю, а после узкого мыса свернуть на юг по берегу залива Сирт, — объявила она. — Другого пути не существует, если верить карте.

Только я подумала про себя, что дорога, по которой мы едем, не заслуживает того, чтобы ее отнесли к разряду существующих, как ухабы кончились и потянулось что-то вроде пригородной улицы. При первой же возможности я свернула на запад, пересекла еще две улочки и неожиданно очутилась на бетонке, которая вскоре перешла в четырехполосное шоссе.

Проехав по нему несколько километров, мы заключили, что Бенгази остался позади и мы уже на триполлийской автостраде. Вскоре нашу догадку подтвердили

в маленькой будке, где продавали пепси-колу, сыр и печенье.

Шоссе было совершенно прямое, никакой застройки по бокам и почти никакой растительности. И никаких ограничений скорости.

Ну что ж, это даже к лучшему, когда мчишься наперегонки со временем, спеша застать в Триполи инженера, который вот-вот должен вылететь в Стокгольм.

Под вечер впереди показалась триумфальная арка Муссолини, образец чудовищной безвкусицы, тяжеленное сооружение, обозначающее границу между старой Триполитанией и Киренаикой. Хотя федерация давно преобразована в Соединенное Королевство Ливии, шоссе у арки было перекрыто шлагбаумом.

Повинуясь жесту какого-то субъекта в мундире, Луллу взяла наши паспорта и исчезла за сторожевой будкой. Солнце кануло за горизонт рядом за аркой, и после второй сигареты я начала беспокоиться, куда же это запропастилась Луллу.

Отправившись на разведку, я увидела мою подругу окруженной десятком бурно жестикулирующих ливийцев, которые часто-часто что-то говорили. Луллу тоже оживленно жестикулировала и пыталась им что-то втолковать.

— Куда ты подевалась? Я уже думала, тебя умыкнули!

— Ах, если бы! — ответила Луллу. — И вообще, что ты говоришь! Понимаешь, эти люди ничего не понимают! Я им твержу по-немецки, по-английски, по-итальянски и по-французски, что мы спешим в Триполи, а они почему-то не хотят нас пропустить.

Причина задержки так и осталась невыясненной, но в конце концов один из пограничников жестом предложил нам вернуться в машину и поднял шлагбаум: проезжайте.

Около десяти вечера мы приехали в какое-то селение, остановились у полицейского участка (или, возможно, это была военная комендатура) и улеглись спать на сиденьях «лендровера».

В четыре утра нас разбудили тяжелые грузовики. Голодные, неумытые, непричесанные, мы продолжали путь и наконец прибыли в Триполи.

Контора Скандинавской авиакомпании была закрыта на перерыв с 14 до 16 часов, а так как мы угадали

как раз в этот промежуток времени, нам оставалось только искать приюта в дешевой гостинице — дешевой на здешнюю мерку, а по-нашему — дико дорогой.

В 16.00 мы нажали кнопку звонка у дверей конторы САС, двери открылись, мы вошли и рассказали заведующему конторой египтянину о наших проблемах.

К сожалению, инженер Андерссон уже улетел утром в Стокгольм. Мы поделились своими заботами с приветливой секретаршей-шведкой. Чрезвычайно важные корни, их необходимо возможно скорее отправить в Стокгольм. Египтянин и шведка посоветовались. Как раз сейчас на аэродроме находилось несколько инженерских жен, которые ждали самолета в Швецию. Египтянин знал Виви Текхольм, к тому же, глядя на нас, можно было подумать, что от скорейшей доставки этих корней в Стокгольм зависит благо человечества, и он схватил телефонную трубку, чтобы задержать вылет.

С аэродрома ответили, что самолет только что взлетел.

Египтянин и шведская секретарша принялись усиленно соображать. И вспомнили вдруг про одно шведское семейство, которое собиралось через несколько дней лететь из Триполи в Стокгольм. Завтра утром эти люди приедут в город. Наши новые друзья в САС обещали связаться с ними, выяснить, не могут ли они захватить корни, и немедленно сообщить нам ответ в гостиницу.

Мы вышли на улицу с тревогой в душе. Через несколько дней... А корни с каждым часом высыхают, и сок в них, если верить Теофрасту, легко портится. Если только это в самом деле сильфий.

Правда, Гуссейн и его товарищ положили вместе с корнями немало ливийской земли, и все же в этой потрепанной картонной коробке уложенные кое-как корни слишком плохо защищены от кислорода воздуха. Надо поскорее упаковать их как следует.

В эту минуту Луллу, к своему восторгу, увидела на административном здании через улицу белый с голубым крестом флаг Финляндии, и мы целеустремленно направились туда.

Финский торговый представитель и его супруга с величайшим пониманием отнесли к нам и нашим проблемам, предложили выпить соку и выразили глубокое сожаление, что в ближайшее время никакие фин-

ские или иные граждане не собираются лететь в Финляндию через Швецию. Но, конечно, они помогут нам хорошенько упаковать корни. Вместе со своим слугой торговый представитель спустился к нашему «лендроверу», и слуга потащил картонную коробку вверх по лестнице в представительство.

Тем временем доброжелательная супруга представителя с присущим финнам энергией и здравым смыслом уже приняла кое-какие меры. Она распорядилась, чтобы из подвала принесли финский торф, и сбрызнула его водой. Кроме того, она успела приготовить крепкие коробки разной величины, плотную оберточную бумагу и веревку.

Увидев нашу хилую тару и ее содержимое, она выбрала самую большую коробку, выстлала ее изнутри полиэтиленовыми мешочками, и вместе мы очень быстро упаковали на славу нашу драгоценную посылку.

Коробка с корнями и влажным финским торфом весила около тридцати килограммов.

Глубоко тронутые, мы горячо поблагодарили супругов за сочувствие и помощь, сильные руки слуги отнесли коробку в «лендровер», и мы направились в гостиницу.

В восемь утра нам позвонили из конторы САС. Связаться с шведским семейством удалось. Но у них трое маленьких детей и большой багаж, так что они, к сожалению, не могут взять с собой корни в Стокгольм.

Мы вполне их понимали, зная по опыту, как это некстати, когда друзья и знакомые просят захватить посылочку в Каир или из Каира. Ведь авиакомпания позволяет брать всего каких-нибудь двадцать килограммов багажа на человека. А у нас тут все тридцать.

Оставалось лишь нестись во весь опор дальше, в Тунис, откуда регулярно ходят самолеты в Швецию.

Смена масла в пути изрядно задержала нас. Формальности на ливийско-туниССкой границе отняли еще больше времени. И вовсе не потому, что наши корни или еще какая-нибудь часть багажа привлекли к себе внимание таможни; просто в Африке, когда пересекаешь государственные границы, приходится заполнять тьму всевозможных анкет.

Под вечер мы приехали в популярный курорт Габес на берегу моря.

Мы решили, что есть полный смысл предпочесть дешевой гостинице дорогой отель. В роскошном отеле больше надежд встретить шведов, собирающихся вскоре лететь в Швецию.

Остановив свой выбор на отеле «Оазис» — самом дорогом из всех, — мы решительно направились к администратору. Пока он водил пальцем по спискам, отыскивая свободные номера, подошел бой с маленьким подносом, на котором стояли два стакана апельсинового сока.

— Угощайтесь, — сказал мальчуган, улыбаясь. — Добро пожаловать в Тунис!

Мы сказали спасибо и утолили жажду, не без тревоги думая о своих скудных финансах, которых должно хватить еще на весь путь до Сеуты в Марокко и дальше — через Гибралтар, Испанию, Францию, Швейцарию, ФРГ до самой Швеции.

Администратор приветливо сообщил нам, что номера есть. Цена потрясла нас своей умеренностью. Номера здесь оказались не дороже, чем в несравненно более примитивных гостиницах Ливии. Апельсиновый сок вообще был не в счет — просто знак внимания к туристам со стороны дирекции.

Две страны, два народа, разделенные всего лишь условной чертой границы, — и такая разница! Ливийцы — нелюдимые, холодно относящиеся к иностранным туристам, недовольные режимом нелюбимого старого короля Идриса и положением в стране, несмотря на огромные нефтяные богатства. И тунисцы — улыбающиеся, общительные, тепло встречающие туристов, которые, к их радости, множат доходы страны, и чрезвычайно гордящиеся своим президентом Бургибой и его супругой, много сделавшими для народа. Ливия — обширные пустыни, но есть и плодородный краснозем, преимущественно используемый под пастбища. Тунис — каждый пригодный для возделывания клочок земли использован, зерно зреет даже на крутых склонах предгорий Атласского хребта, на десятки километров тянутся оливковые рощи, финиковые плантации, апельсиновые сады.

Мы спросили, нет ли в отеле других шведов.

Есть, как же. Вот хотя бы Ильва. В просторном вестибюле, кишашем людьми всех наций и цветов кожи, гулко отдался голос швейцара:

— Ильва! Ильва!

Загорелая девушка в мини-мини отделилась от группы туристов и подошла, улыбаясь, к нам.

Ильва занималась экскурсиями. Причем она пеклась не только о клиентах своего агентства, но и о других постояльцах. Ильва была правой рукой директора отеля и делала тысячу дел одновременно. Со всех сторон все звали Ильву.

Вот и мы стали одним среди тысячи дел Ильвы. Правда, ее поминутно отвлекали, но всякий раз она возвращалась к нам и с неподдельным увлечением выслушала сперва краткий обзор истории сильфия, потом наш рассказ о том, каких трудов нам стоило добыть корни и как важно поскорее доставить их в Стокгольм.

— Это же страшно интересно,— подытожила она.— Конечно, мы что-нибудь придумаем. Послезавтра Хильдинг Петтерссон с женой и дочерью летят в Швецию. Я попытаюсь их разыскать сегодня же, не позже обеда.

Мы расположились в своих номерах и не замедлили воздать должное удобствам в виде ванной, горячей воды и душа, который послушно отзывался на все повороты кранов.

За обедом Ильва подошла к нашему столу.

— Я уже переговорила с Петтерссонами о сильфии. Они очень им заинтересовались и охотно отвезут корни в Стокгольм.

Мы были глубоко благодарны. Во-первых, этой умнице Ильве, которая все схватывала на лету и уже успела рассказать другим шведам, что такое сильфий и чем он замечателен. Нам с Луллу порядком надоело повторять одно и то же. Во-вторых, семейству Петтерссон, которое проявило такую любезность. Нам даже не верилось. Ведь они еще не видели наш огромный пакет... И не знали, сколько он весит.

В эту минуту в столовую вошло семейство Петтерссонов. Веселые, простые люди — муж, жена и взрослая дочь. Ильва познакомила нас, мы обменялись несколькими словами, сразу установился контакт. К сожалению, стол Петтерссонов стоял далеко от нашего, поэтому мы условились встретиться после обеда.

За кофе собралось около десятка шведов, и всем хотелось услышать еще что-нибудь о диковинном цветке из Кирены. Мы с Луллу рассказывали с большим энтузиазмом. У нас был разработан тонкий план, как

действовать, чтобы Петтерссоны не передумали и не отказались везти корни в Швецию.

Мама и папа сидели на кушетке и внимательно слушали нас. Дочь—старшеклассница, увлеченная йогой,—заняла на полу позу «лотос» и тоже слушала.

Тут я положила на стол книгу Виви Текхольм «Пустыня цветет» с надписью «тому доброму человеку» и так далее.

— Эта книга теперь ваша,—сказала я.

Хильдинг Петтерссон схватил ее и гордо показал жене.

Луллу сочла, что наступила подходящая минута.

— Пакет аккуратный, хорошо завернутый,—объяснила она.— Но он весит около тридцати килограммов.

Мы вперили взгляд в лица шведской четы, пытаюсь определить реакцию. Но то ли книга Виви их очень обрадовала, то ли присущее этому семейству великодушные просто не позволило им придирааться к мелочам,—так или иначе, лица Петтерссонов остались такими же радостными, и папа, приветливо улыбаясь, ответил:

— Да у нас не такой уж большой багаж. Правда, восточный ковер весит изрядно...

— Я, конечно, заплачу за перевес,—вставила я, но Хильдинг Петтерссон элегантно жестом отверг мое предложение.

Мы с Луллу облегченно вздохнули. И решили два дня пожить в отеле «Оазис», чтобы отдохнуть немного после бурной охоты на услужливых пассажиров, вылетающих в Стокгольм.

Здесь можно было бы и окончить африканскую часть повести о цветке из Кирены, чтобы перейти к результатам химического анализа сока гарганской тапсии, проведенного профессором Финном Сандбергом, если бы на нашем дальнейшем пути в Тунис не случилось еще два примечательных эпизода, имеющих отношение к проблеме сильфия.

После Вади-Куф, что восточнее Бенгази, мы не видели ни одной тапсии. И это нас только радовало, ведь подтверждались наши гипотезы: тапсия росла в Киренаике, и росла только в тех районах, которые древние связывали с сильфием.

А километрах в восьмидесяти к югу от города Суса я вдруг увидела на обочине крупное желтое соцветие. И поспешила отвести глаза, потому что это зрелище

меня ничуть не обрадовало. Ничего не сказав Луллу, я мрачно уставилась на другую обочину.

Через несколько сот метров и там засветился десяток желтых соцветий. Я тотчас перевела взгляд на другую сторону. Господи, куда ни погляди — всюду эти окаянные желтые зонтичные.

— Ты видишь, что растет на обочине? — тихо и ласково спросила Луллу немного погодя.

— Вижу, вижу, — пробурчала я. — Досадно, что говорить. Но все-таки придется нам остановиться и взглянуть поближе на этих чертей.

Мы затормозили возле высоких растений, на которых были и цветки, и плоды.

— Тапсия, никакого сомнения. — Я ткнула пальцем в крылатые плоды. — Но...

— Что — но? — любопытствовала Луллу.

— Я не уверена, что это гарганская тапсия. Посмотри на эти плоды!

Мы тщательно их рассмотрели. У плодов гарганской тапсии крылышки закруглялись вверх. Здесь же крылышки вверх сужались, заканчиваясь когтевидным острием.

К сожалению, нам до сих пор так и не удалось раздобыть справочник о роде тапсия.

— Ты права, — довольно произнесла Луллу. — Наверно, это другой вид.

От этого открытия нам сразу стало легче. Ведь мы обнаружили гарганскую тапсию только в Киренаике. В Египте ее нет. Виви Текхольм не включила ее в свою «Флору Египта». В Триполитании мы совсем не видели тапсии, а здесь, в Тунисе, встретили другой вид, не гарганскую. Это вполне укладывалось в нашу схему.

Мы поехали дальше на север; у Хаммамега побережье свернуло на запад — и мы тоже. А в нескольких десятках километрах восточнее Туниса я вдруг заметила еще одну интересную вещь, затормозила и подала машину назад.

— Моя интуиция говорит мне, что это ферула, — взволнованно сообщила я Луллу. — Здорово похоже на тапсию и в то же время чем-то непохоже. Вот, посмотри!

У этого растения стебель был выше и прямее, чем у тапсии. Цветоножки расходились под более тупым углом и казались тверже и ребристее. На краю каждо-

го зонтика безвольно висело маленькое увядшее соцветие. Это были мужские цветки, выполнившие свою функцию. Женские соцветия еще всю цвели, не считая тех, на которых уже появились плоды — овалы, сплюснутые с двух сторон. Все ясно, ошибки быть не может. Это ферула, скорее всего тингитская.

— Пожалуй, ее корень тоже нам пригодится, — сказала Луллу и вернулась к машине за большой лопатой.

Подстегнутый любопытством, к нам подошел какой-то юноша, и Луллу не замедлила объяснить ему жестами, что его ждет серебряная монета, если он выкопает для нас растение с корнем. Парнишка мигом все понял и принялся копать что было мочи. И когда состоялся обмен растения на монету, лица обеих сторон засияли от счастья. Мы бросили ферулу и лопату в «лендровер» и поехали дальше.

Осталось добавить, что и в Алжире, и в Марокко мы видели множество растущих тингитских ферул и незнакомого нам представителя рода тапсия.

Но ни одно из этих двух растений не встречалось нам в Киренаике.

С полной уверенностью, что наша гарганская тапсия — наиболее вероятный кандидат на звание сильфия древних греков, мы продолжали путь домой, в Швецию.

СИЛЬФИЙ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Мне казалось, что я умру по дороге от нетерпения, когда я, возвратившись в Стокгольм, отправилась в фармакогностическое отделение узнавать о дальнейшей судьбе наших корней тапсии.

Профессор Финн Сандберг встретил меня так приветливо и проявил столь живой интерес к проблеме, что мне сразу стало легче. Он признался, что был немало удивлен, когда однажды вечером, уже довольно поздно, какие-то незнакомые Петтерссоны явились прямо с аэродрома к нему домой с большим и тяжелым пакетом. Но услышав от них яркий рассказ о том, что лежало в коробке, и прочтя мое сопроводительное письмо, он на другой же день приступил к химическим анализам.

По словам профессора, корни несомненно содержали очень сильный яд. У всех его сотрудников, работав-

ших с корнями, появились на руках волдыри, а сам он ходил с сыпью на щеках.

Чувствуя себя преступницей из детективного романа, я выразила глубокое сожаление, что причинила столько страданий профессору и его помощникам. Но Финн Сандберг только улыбнулся и весело сказал:

— В нашей работе без этого не обходится!

Потом он повел меня осматривать лабораторию, где стояли всевозможные водные и спиртовые экстракты. Однако увидев, как пассивно я воспринимаю ученые слова из химического и фармакологического лексикона, профессор любезно пообещал мне написать небольшой отчет об итогах, когда исследование будет завершено.

Под конец мы вошли в комнату, где молодая женщина с сыпью на руке занималась маленькой белой мышью, которой явно надоело жить. Мышка жалась в угол деревянного ящика, словно испуганный зайчик.

Оказалось, что ей сделали инъекцию тапсии. Профессор приподнял мышку острием карандаша и объявил, что яд уже действует. Затем переговорил о чем-то со своей помощницей, полистал какие-то бумаги. Я с любопытством заглянула в них и опять почувствовала себя преступницей, обнаружив, что это своего рода свидетельства о смерти маленьких невинных белых мышей. Одна мышь получила инъекцию раствора такой-то концентрации и умерла через час сорок пять минут. Другой влили раствор покрепче — смерть наступила через пятьдесят пять минут. Третья, четвертая... Свидетельств была целая кипа. А в ящике передо мной лежала, ожидая своей очереди, еще одна несчастная мышка. Я попыталась утешить ее тем, что она погибнет во имя науки.

После первого знакомства с профессором Сандбергом у нас было еще много чрезвычайно интересных — во всяком случае, для меня — телефонных разговоров. А затем наступило лето, время отпусков, и мыши получили передышку. Но сразу после отпуска профессор Финн Сандберг передал мне следующее заключение:

«Если попытаться осветить проблему сильфия с ботанической, химической и фармакологической точек зрения, не исключено, что в сумме можно получить вероятное решение, однако полной уверенности не будет. Что касается ботанического определения растения, я склоняюсь к тому, что многое говорит за правиль-

ность гипотезы профессора Виви Текхольм, полагающей, что речь идет о гарганской тапсии. Это как будто подтверждается дошедшими до нас из древности изображениями, совпадает и географическое распространение.

Можно ли ожидать, что химическое и фармакологическое исследование в состоянии ответить на вопрос, в самом ли деле гарганская тапсия тождественна античному сильфию? Из материала, который госпожа Брюдольф прислала в фармакогностическое отделение фармацевтического факультета в Стокгольме, сразу же после промывки полученных крупных корней был приготовлен сперва водный, затем спиртовой экстракты. В древности, как сообщает профессор Текхольм, применялся сок, выжимавшийся как из корня, так и из стебля. Следовательно, активные вещества должны содержаться либо в водном, либо в спиртовом экстрактах, либо и в том и в другом.

В момент написания данного заключения, в конце августа 1969 года, химическое исследование еще не завершено. Материал направлен в Фармацевтический институт Дании доктору Эйхстедт-Нильсену; он как раз готовит докторскую диссертацию об активных компонентах растений того семейства, к которому принадлежит род тапсия, а именно зонтичных. Перед выездом в США в научную командировку он успел провести предварительное исследование водного и спиртового экстрактов и нашел, что они содержат ряд веществ, принадлежащих к так называемой группе кумаринов. Правда, он не успел определить, о каких именно веществах идет речь, но, по его мнению, это новые кумариновые соединения, во всяком случае такие, с которыми ему не приходилось встречаться прежде. Доктор Эйхстедт-Нильсен намеревается продолжить их химическое исследование.

Если посмотреть на сильфий с фармакологической точки зрения, возникает вопрос — как он действовал и какое применение его преобладало в античности, а также: можно ли, исследуя собранный ныне материал, в какой-либо мере судить о вероятности того, что полученные теперь результаты подтвердят применение сильфия в древности?

В древности сильфий явно ценился как афродизиак, то есть средство, усиливающее половую энергию, и, ве-

роятно, его применяли главным образом мужчины. Спрос на афродизиаки по-прежнему велик, особенно в арабском мире, и я видел на рынках Востока самые диковинные снадобья, которым продавцы приписывали такое действие.

Одно из древнейших стимулирующих средств — знаменитый китайский корень женьшеня, который исстари применяется в китайской народной медицине и стоит в Китае очень дорого. Корень женьшеня является сейчас предметом усиленных химических и фармакологических исследований как в Японии, так и в Китае, в чем я смог убедиться при посещении исследовательских учреждений в названных странах. Удалось выделить из корня женьшеня много веществ, которые теперь изучаются с точки зрения их фармакологического эффекта.

Другим, известным еще с древности в Средиземноморье афродизиаком является жук, называемый шпанской мушкой, на аптечной латыни — кантарис. В моем распоряжении есть бутылочка, содержащая пять граммов настойки шпанской мушки из Египта; на ярлыке написано по-английски: «Чтобы увеличить мужскую силу, налейте немного американской шпанской мушки в чашку чая или кофе». В начале пятидесятых годов этот пузырек стоил пятьдесят египетских пиастров.

В Западной Африке местные жители применяют как афродизиак кору дерева иохимбе⁴², его активное вещество — алкалоид, называемый иохимбином.

Есть ли какое-нибудь сходство между тапсией и одним из трех названных типов афродизиака, содержащих активные вещества? Я совершенно не касаюсь таких афродизиаков, как рог носорога, — очень популярный в Азии, но явно не имеющий никакого действия. Кстати, его теперь невозможно купить, и одним из заменителей стали рога шведского оленя, которые пользуются спросом, в частности, в Корее.

В фармаконостическом отделении нами исследованы разные дозы водного и спиртового экстрактов гарганской тапсии, каковые вводились крысам двумя способами. Во-первых, суспензия этих экстрактов впрыскивалась в брюшную полость, во-вторых, экстракт вводился через рот прямо в желудок животных. Весьма явным эффектом, который можно было наблюдать как на крысах, так и на нас самих, когда мы работали с экстрактом, было сосудорасширяющее действие и

покраснение кожи. Приготавливая экстракты, мы еще не знали об этом эффекте, но затем наблюдалось сильное покраснение кожи лица и рук, длившееся около двух дней. Кроме того, от упомянутых экстрактов тапсии появлялась сыпь на руках и лице. Доктор Эйхстедт-Нильсен в Копенгагене после своих исследований написал мне, что у него тоже появилась сыпь на руках.

Совершенно очевидно, что данные экстракты содержат вещества, обладающие сильным сосудорасширяющим действием. Это уже отмечалось при изучении кумариновых соединений, что же до сыпи, то здесь, вероятно, сказывается сильный раздражающий кожу эффект. Таким образом, можно предположительно говорить о сходстве с активными компонентами шпанской мушки. Из шпанской мушки извлечено вещество кантаридин, которое как раз обладает воспалительным действием.

В то же время не обнаружено веществ с действием, аналогичным эффекту активного компонента в коре иохимбе, который вызывает прилив крови к тазовым органам и обладает тем, что специалисты называют симпатолитическим эффектом, другими словами, это соединение тормозит действие адреналина и норадrenalина. Наши исследования показали, что таким эффектом экстракт тапсии не обладает.

Из результатов наших исследований на сегодняшний день отметим сосудорасширяющий эффект и воспалительный эффект — его можно также назвать экземогенным эффектом, — как наиболее явные и могущие объяснить применение данного растения в древности. Я, однако, воздержался бы от проведения опытов на людях до завершения дополнительных экспериментов на животных, которые позволят выявить токсическое действие различных компонентов, содержащихся в тапсии.

Подытоживая уже полученные данные, мы видим, что тапсия представляет собой растение, корень которого действительно содержит фармакологически активные вещества. Он явно небезопасен в обращении. Сосудорасширяющее и экземогенное действие представляет собой неоспоримый факт, но только дальнейшее исследование позволит узнать что-то о возможных других фармакологических эффектах каждого компонента, который удастся выделить из корня.

С другой стороны, следует указать, что эффект и использование этих веществ как афродизиака по меньшей мере сомнительны, а повторное применение несомненно чревато вредными последствиями».

Таково заключение профессора Финна Сандберга.

Я же остаюсь с таким чувством, словно участвовала в увлекательном футбольном матче. Сперва я получила мяч от Виви Текхольм — это было четыре года назад, так что темп матча напоминает замедленное кино. Затем мы с Луллу Бьёркенхейм довольно резко занимались дриблингом, обменивались пасами и снова предавались дриблингу во время трех беспечных месяцев, проведенных в Северной Африке. Наконец, мы передали головой мяч семейству Петтерссон, которое отпасовало его через все поле профессору Сандбергу в Стокгольме. Он тщательно обработал мяч и послал его дальше, доктору Эйхстедту-Нильсену.

Там он и находится теперь. Я спрашиваю себя: будет ли гол?..

Удастся ли когда-нибудь решить загадку сильфия?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Путешествия... В наше время трудно кого-нибудь ими удивить. Антарктика и Северный полюс, джунгли Южной Америки и пустыни Африки, океанские просторы и выси снеговых вершин... Всюду стремится проникнуть человек, жаждущий познать окружающий мир. Почему же до конца книги не ослабевает интерес к описанию путешествия двух немолодых женщин по пустынным прибрежным районам Ливии, описанию, лишенному захватывающих приключений, встреч с дикими зверями и прочей экзотики? По-видимому, секрет заключается в увлеченности автора книги, в том, что ей удастся заинтересовать читателя целью путешествия, заставить вместе с ней пережить путь поиска, радостей и огорчений, связанных с попыткой решения загадки веков. А цель путешествия, предпринятого шведской любительницей ботаники Х. Сёдерлинг-Брюдольф, была весьма заманчивой — найти среди диких растений «древней Кирены» то, которое использовалось в древней Греции для получения сильфия — «корня жизни», универсального лекарственного и стимулирующего средства. Оно, по свидетельству историков древности, в течение ряда веков служило источником богатства этого города.

Цель, кажущаяся вначале призрачной, навязчивой идеей, — попытаться найти растение, исчезнувшее еще в древности, — на самом деле отнюдь не лишена практического смысла. Дело в том, что в настоящее время очень велик интерес к средствам эмпирической медицины разных стран (народной, знахарской, традиционной и гомеопатии), в том числе и древней, и особенно к растениям, применявшимся в лекарственных целях. Ведь и сейчас, несмотря на огромные успехи химии в производстве лекарственных препаратов, не менее одной трети лекарств изготавливается из растительного сырья, а некоторые группы лекарственных средств — преимущественно из растений. При колоссальном разнообразии растений на земном шаре (только цветковых около 300 тысяч видов) в фармакопеях всех

стран мира используется всего около 1000 видов (в Государственной фармакопее СССР — немногим более 200). В то же время в эмпирической медицине разных стран используется около 12 тысяч видов растений. Это побуждает ученых многих стран исследовать растения как местных, так и иноземных флор в поисках химических веществ с лекарственными свойствами. Планомерные исследования отечественных растений с подобной целью проводятся в Советском Союзе учеными Всесоюзного института лекарственных растений (ВИЛР), ежегодно посылающего экспедиции в различные уголки нашей страны.

Путешествие по Киренаике преследовало ту же цель. Путешественницам не удалось окончательно решить загадку сильфия. Да и сможем ли мы решить ее когда-нибудь? Но кто знает, не приведет ли исследование найденных растений к открытию нового, пусть не универсального, не панацеи от всех болезней, но все же полезного лекарственного средства? И даже в случае неудачи полученные данные могут направить ученых на поиск новых растений.

Интерес книги определяют не только чисто научные результаты путешествия (хотя автор рекомендует «любительнице», даваемые ею характеристики растений настолько профессиональны, что дают право говорить именно о научных результатах). Мы как бы вместе с автором и ее энергичной спутницей разъезжаем на автомобиле по дорогам Ливии, останавливаясь в деревушках, населенных бедуинами, осматривая развалины греческих колоний и экспозиции музеев, беседуя с представителями властей и случайными знакомыми. И хотя изучение социальных проблем было далеко от целей путешествия автора, в книге достаточно объективно охарактеризовано положение в этой отсталой тогда (несмотря на огромные запасы нефти, составляющие более 4 млрд. т, или 70% запасов континента) африканской стране. Нефтяной бум, принесший Ливии огромные суммы (доход на душу населения с 1951 года — года формального провозглашения независимости Ливии — по 1968 год возрос в 67 раз), в условиях королевской власти позволил стране сделать лишь первые шаги по пути экономического развития. На территории Ливии сохранялись иностранные военные базы (в том числе одна из крупнейших английских военно-воздушных баз в Африке — Уилус-Филд). Х. Сёдерлинг-Брюдольф путешествовала по Ливии в начале 1969 года, а 1 сентября 1969 года в результате революционного переворота король Идрис I был свергнут и власть перешла в руки Революционного совета Ливии. Ливия была провозглашена Ливийской Арабской Республикой. Первые шаги Ливийской республики были направлены на утверждение суверенитета, независимости страны: национализированы крупнейшие банки, иностранным нефтяным компаниям предложено увеличить отчисления в пользу государ-

ства, иностранные военные базы на территории Ливии ликвидированы. Хотя Ливия — одна из наименее населенных стран Африки (около 1 человека на 1 кв. км площади), страна не обеспечена продуктами сельскохозяйственного производства. Пастбища — основа существования кочевников-скотоводов — составляют всего лишь 1% территории. Приказом Революционного совета в январе 1971 г. «все содержимое недр Ливийской Арабской Республики, ее природные богатства рассматриваются как собственность государства». Республике предстоит еще многое сделать для развития экономики, улучшения жизни народа.

Помимо поисков сильфия в задачу путешественников входил сбор и других диких растений Киренаики. Им удалось сделать ряд интересных находок, описания остановок в пути пересыпаны названиями часто встречающихся растений — все это делает повествование более живым. Можно отметить, что автору нигде не изменяет чувство меры — ни при цитировании древних классиков, ни в исторических справках, ни в описаниях природы. И именно это чувство меры в сочетании с мягким юмором, пронизывающим всю книгу, делает ее столь занимательной и легкой для чтения.

В. Н. Павлов

СЛОВАРЬ БОТАНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

¹ Лазер, лазерпициум (*Lazer, Lazerpitium*) — от греческих слов: *laserion* — смолистое вещество и *piticein* — течь.

² Нартекс асса фетида (*Narthex assa foetida*) — старое название одного из видов рода ферула (*Ferula narthex*). Ферулы (более 130 видов) — обычно крупные травянистые растения до 1,5—2,5 м высотой, относятся к семейству зонтичных (*Umbelliferae*). У ферул сложные тройчато-рассеченные листья, нижние листья образуют прикорневую розетку, верхние имеют расширенные в виде раструба черешки; многочисленные обычно соцветия — сложные зонтики несут массу мелких желтых цветков. Обитают ферулы в пустынях и в горах (в СССР — больше всего в Средней Азии). Цветут весной, плоские или плоско-выпуклые парные плодики созревают в середине лета. Названный вид приведен автором ошибочно: он встречается в диком виде только в Индии, в высокогорьях Гималаев.

³ Персидская асса фетида — стимулирующее средство народной медицины, изготовлялось из зонтичного растения (*Ferula assa foetida*), дикорастущего в Иране и на юге Средней Азии.

⁴ Гарганская тапсия (*Thapsia garganica*) — представитель средиземноморского рода из семейства зонтичных; внешне схожа с ферулами.

⁵ Синяк (*Echium*), воловик (*Anchusa*) — роды из семейства бурачниковых (*Boraginaceae*). Наибольшее разнообразие бурачниковых свойственно Средиземноморью.

⁶ Мохнатый зопник (*Phlomis floccosa*) — травянистое растение из семейства губоцветных (*Labiatae*).

⁷ Округлая люцерна (*Medicago orbicularis*) — однолетнее растение из семейства бобовых (*Leguminosae*); родственные виды — широко распространенная в культуре многолетняя синяя или посевная люцерна (*Medicago sativa*) и др. — ценные кормовые растения.

⁸ Карликовый ирис-касатик (*Iris sisyriuchium*) — вид обширного рода (около 300 видов) семейства касатиковых (*Iridaceae*); ряд видов рода касатик и рода гладиолус введен в культуру как высококачественные декоративные растения.

⁹ Звездчатый клевер (*Trifolium stellatum*), пурпурный клевер (*T. purpureum*) — однолетние травы (из семейства

бобовых), распространенные по всему Средиземноморью. Некоторые виды клеверов являются ценными кормовыми травами и широко культивируются. На корнях клеверов поселяются клубеньковые бактерии, обогащающие почву азотом.

¹⁰ Нежная герань (*Geranium molle*) — сорное однолетнее растение из семейства журавельниковых (*Geraniaceae*), широко распространенное в Южной Европе, Средиземноморье и на Ближнем и Среднем Востоке.

¹¹ Акант (*Acanthus*) — род из семейства акантовых (*Acanthaceae*), характерный для Средиземноморья. Мягкий акант (*A. mollis*) обычен по всему Средиземноморью, широко культивируется из-за красивых колосовидных соцветий и крупных перисто-раздельных листьев. Стилизованные изображения листьев аканта на капителях колонн характерны для определенного архитектурного стиля древности — «Коринфский ордер».

¹² Венерин волос (*Adiantum capillus veneris*) — изящный папоротник, широко распространенный в Средиземноморье, в Крыму, на Кавказе, в горах Малой и Средней Азии. Обычно растет по берегам ручьев и ключей на сырых замшелых скалах, в горах, у водопадов. Широко распространен как комнатное растение.

¹³ Ветреница (*Anemone*), прострел (*Pulsatilla*), лютик (*Ranunculus*) — роды из семейства лютиковых (*Ranunculaceae*). Среди лютиковых много декоративных растений, широко распространенных в культуре: живокость, борец, ломонос и др. Большинство лютиковых ядовиты, некоторые используются в медицине (*Adonis*). Азиатский лютик (*R. asiaticus*) — своеобразный вид, обитающий в Средиземноморье и на Ближнем Востоке (до юга Ирана), с лепестками цветков, имеющими желтую, белую, розовую или кроваво-красную окраску.

¹⁴ Тингитская ферула (*Ferula tingitana*), синайская ферула (*F. sinaica*), мрамарийская ферула (*F. margaritica*), обыкновенная ферула (*F. communis*), тысячецветковая ферула (*F. chiliantha*) — виды, распространенные в Средиземноморье, преимущественно в Северной Африке, Аравии и на Ближнем Востоке.

¹⁵ Вашингтония (*Washingtonia*) — крупная пальма (семейство *Palmae*), родом из Мексики, культивируется.

¹⁶ Мясистая смолевка (*Silene succulenta*) — травянистое растение из семейства гвоздичных (*Caryophyllaceae*), представитель большого рода (около 500 видов, преимущественно распространенных в Средиземноморье).

¹⁷ Приземистый левкой (*Matthiola humilis*) — средиземноморский вид рода левкой, родственник также средиземноморского садового левкоя (*Matthiola incana*).

¹⁸ Венковидный хризантемум (*Chrysanthemum coronarium*) — травянистое растение из семейства сложноцветных (*Compositae*).

¹⁹ Огуречник, огуречная трава (*Boiago officinalis*) — травянистое растение из семейства бурачниковых. Листья огуречника употребляются в пищу. Культивируется как первоклассный медонос.

²⁰ Ретам (*Retama raetam*) — кустарник из семейства бобовых, распространенный в пустынях Северной Африки. Цельные листья развиваются на прутьевидных ветвях, быстро опадают, и большую часть года растение кажется безлистным.

²¹ **Маревые** (*Chenopodiaceae*) — семейство двудольных растений, преимущественно заселяющее пустыни.

²² **Тамарикс** (род *Tamarix*, семейство *Tamaricaceae*) — кустарники, иногда крупные (до 3—5 м), с многочисленными мелкими розовыми или белыми цветками, обитающие на засоленных почвах в пустынях. Многочисленные виды рода (около 90) распространены от Средиземноморья и Северной Африки до Восточной Азии; часто культивируются как декоративные.

²³ **Желтая цистанхе** (*Cistanche flava*) — растение из особого семейства паразитических (*Orobanchaceae*); все представители семейства паразитируют на корнях других растений. Виды рода цистанхе встречаются в песчаных пустынях в Африке и Азии.

²⁴ **Бледно-розовый лук** (*Allium roseum*), **неаполитанский лук** (*A. neapolitanum*) — средиземноморские представители рода *Allium* (лук, чеснок), насчитывающего около 450 видов в Северном полушарии, преимущественно в горных районах умеренной Азии, из семейства лилейных (*Liliaceae*).

²⁵ **Приятная пролеска** (*Scilla amoena*), **сибирская пролеска** (*S. sibirica*), **полусферовидная пролеска** (*S. hemisphaerica*) — небольшие луковичные растения, с кистями голубых цветков из семейства лилейных (*Liliaceae*). Многие виды культивируются как декоративные.

²⁶ **Тордилиум** (*Tordylium arulum*) — сорное однолетнее растение из семейства зонтичных, распространено по Средиземноморью и Северной Африке.

²⁷ **Пурпурный тетрагопалобус** (*Tetragonolobus purpureus*) — травянистый однолетник из семейства бобовых, характерный для Средиземноморья

²⁸ **Карликовый щавель** (*Rumex hycephalophorus*) — однолетнее растение из семейства гречишных (*Polygonaceae*).

²⁹ **Песчаная скабиоза** (*Scabiosa arenaria*) — травянистое растение из семейства ворсянковых (*Dipsacaceae*). Соцветие одного из видов ворсянки (*Dipsacus fullonum*) используется для получения ворса на тканях («ворсовальные шишки»).

³⁰ **Мезембриантемум** (*Mesembryanthemum*) — род из семейства айдовых (*Aizoaceae*). Виды рода (около 150) — однодвулетние травы, обитают в засушливых районах, преимущественно Южной Африки. Некоторые являются декоративными садовыми и комнатными растениями; один из видов известен под названием «ледяная трава», так как весь покрыт блестящими пузыревидными волосками.

³¹ **Распростертая минуарция** (*Minuartia prostrata*) — травянистое растение из семейства гвоздичных. Различные (около 120) виды рода обитают во многих районах Северного полушария от Арктики до Гималаев и Нубийской пустыни.

³² **Цикорий растопыренный, или приземистый** (*Cichorium divaricatum*) — травянистое многолетнее растение из семейства сложноцветных (*Compositae*). Корни близкого вида (*C. intybus*) употребляются как суррогат кофе.

³³ **Астерискус** (*Asteriscus*) — род из семейства сложноцветных; виды рода распространены преимущественно в Северной Африке.

³⁴ **Иерихонская роза** (*Asteriscus rugmaeus*) — пустынный вид, распространенный в Сахаре и на Ближнем Востоке.

³⁵ **Гиппокрепис** (*Hippocrepis*) — род из семейства бобовых

(около 20 видов в Европе, Средиземноморье и на Ближнем Востоке). Культивируется как кормовая трава.

³⁶ Артишок (Супага) — род из семейства сложноцветных. Около 14 видов рода распространены в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке.

³⁷ Трехлистная лянника (*Linaria triphylla*) — травянистое растение из семейства норичниковых (*Scrophulariaceae*). Виды лянник (около 150) обитают в Северном полушарии; особенно разнообразны в Средиземноморье.

³⁸ Очный цвет (*Anagallis*) — род из семейства первоцветных (*Primulaceae*). У пахенного очного цвета — обычного сорняка в Европе, Средиземноморье, на Кавказе и в Средней Азии — цветки закрываются при пасмурной или холодной погоде.

³⁹ Сицилийский вьюнок (*Convolvulus siculus*) — вьющееся травянистое растение из семейства вьюнковых (*Convolvulaceae*). Некоторые тропические представители семейства (всего в нем около 1600 видов, в том числе кустарники и деревья) культивируются как пищевые (батат), декоративные, лекарственные растения.

⁴⁰ Молочай (*Euphorbia*) — огромный (около 2000 видов) род в семействе молочайных (*Euphorbiaceae*). Для всех видов молочай характерно присутствие млечного сока в тканях. Различные молочаи обнаруживают удивительное разнообразие форм (от деревьев, в том числе похожих на кактусы, до однолетних трав). Ряд видов культивируется в качестве декоративных растений. Молочай Бивона (*E. bivenae*) — один из многочисленных африканских видов рода.

⁴¹ Ароидные (*Araceae*) — большое (около 2000 видов) семейство, распространенное преимущественно в тропиках. Среди ароидных имеются кустарники, в том числе вьющиеся (лианы), многолетние и однолетние травы. Аронник (*Arum*) — небольшой род (15 видов), распространенный в Европе, Средиземноморье и в Средней Азии. Характерной особенностью ароидных является присутствие листа-покровала, окружающего соцветия из мелких невзрачных цветков; окраска этого покрывала может быть самой различной: белой, красной, фиолетовой, почти черной. Некоторые ароидные культивируют из-за яркой окраски покрывала.

⁴² Иохимбе (*Pausinystalia yohimba*) — дерево из семейства мареновых (*Rubiaceae*). Разнообразные мареновые (около 6—7 тысяч видов) распространены по всему миру, особенно богато представлены в тропиках. Среди мареновых — ряд ценнейших культурных форм: хинное дерево (виды рода *Cinchona*), кофейное дерево (*Coffea arabica*), много красильных, съедобных, декоративных и лекарственных растений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА И ИЗ «ИСТОРИИ» ГЕРО-	
ДОТА	3
ЧАРЫ СИЛЬФИЯ	8
ШАХАТ	13
ПУТЬ В АПОЛЛОНИЮ	16
БЕЛЫЙ ГОРОД	22
СРЕДИ РАЗВАЛИН КИРЕНА	28
ПРЕДАНИЯ И ИСТОРИЯ	33
ГНЕВ АПОЛЛОНА	37
В ГОСТЯХ У ПОМЕШАННОЙ АНГЛИЧАНКИ	40
БОТАНИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ В КИРЕНАИКЕ	47
АПОЛЛОНИЯ	53
ХИМИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ	58
ПО УКАЗАНИЯМ ПЛИНИЯ	63
МОНЕТА С СИЛЬФИЕМ	68
ТЕМНЫЙ ЦВЕТОК САРКОФАГОВ	72
БЕГСТВО В ЕГИПЕТ	75
МЕД И ДЕГОТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ	78
СНОВА К КЛАССИКАМ	87
ОПЯТЬ КИРЕНА	93
СЛОВНО ВИХРЬ	97
СИЛЬФИИ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА	105
<i>В. Н. Павлов</i> , Послесловие	111
Словарь ботанических названий	114

Христина Сёдерлинг-Брюдольф

ЦВЕТOK ИЗ КИРЕНЬ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Р. М. Солодовник*
Младший редактор *Л. З. Шварц*
Художник *А. В. Озеревская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Т. А. Патеюк*
Корректор *В. М. Кочеткова*

Сдано в набор 25/X 1972 г.
Подписано к печати 29/XII 1972 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага № 2
Печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 6,3.
Уч.-изд. л. 6,59. Тираж 15 000 экз.
Изд. № 3033. Зак. № 1146. Цена 34 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4